

Вестник

**Адвокатской палаты
г. Москвы**

Выпуск № 12 (86)

Москва, 2010

ВЕСТНИК

Адвокатской палаты
г. Москвы

Выпуск №12 (86)

Москва, 2010

ДОКУМЕНТЫ АДВОКАТСКОЙ ПАЛАТЫ г. МОСКВЫ

21 декабря 2010 г. состоялось очередное заседание Совета Адвокатской палаты г. Москвы, на котором были приняты следующие решения.

1. Прекратить статус адвоката

№	Фамилия, имя, отчество	Реестровый №
1	Амшаринский Сергей Николаевич	77/6076
2	Белинский Виталий Владимирович	77/5144
3	Гайсинский Рафаил Нусонович	77/2480
4	Дускалиева Наталия Ивановна	77/7573
5	Мальгинов Антон Олегович	77/7645
6	Носкова Оксана Викторовна	77/9642
7	Рагимов Вугар Мустафа оглы	77/2112
8	Рыбаков Владимир Федорович	77/1623
9	Серова Татьяна Леонидовна	77/3767
10	Узбеков Вильдан Сулейманович	77/3285
11	Черемухина Яна Владимировна	77/8436
12	Шишкин Игорь Петрович	77/8071
<i>В связи со смертью</i>		
13	Игнатов Алексей Николаевич	77/6377
14	Кучумова Валентина Федоровна	77/6257
15	Объектов Леонид Алексеевич	77/3226
16	Соколова Алла Николаевна	77/7450
17	Таланкин Вячеслав Васильевич	77/234

Документы Адвокатской палаты г. Москвы

2. Приостановить статус адвоката

№	Фамилия, имя, отчество	Реестровый №
1	Аксенова Раиса Ивановна	77/4745
2	Звягинцев Леонид Сергеевич	77/1679
3	Злобина Ирина Борисовна	77/2467
4	Иванов Андрей Александрович	77/2141
5	Илюшин Александр Александрович	77/791
6	Касенова Мадина Балташевна	77/3043
7	Кошелев Николай Александрович	77/1898
8	Ленау Татьяна Викторовна	77/9950
9	Любимов Сергей Дмитриевич	77/873
10	Павлович Эдуард Леонидович	77/3795
11	Привалова Елена Николаевна	77/1343
12	Серебряков Борис Федорович	77/1962
13	Сигачева Ирина Александровна	77/9747
14	Слюнько Борис Прокофьевич	77/7660
15	Тамаровская Елена Анатольевна	77/8282
16	Фадеев Сергей Николаевич	77/4704

3. Принять в члены Адвокатской палаты г. Москвы

№	Фамилия, имя, отчество
1	Арсанов Тимур Сулумбекович
2	Береснев Евгений Анатольевич
3	Бюрчиев Антон Валерьевич
4	Васкевич Кирилл Николаевич
5	Венгерова Анна Викторовна
6	Голиков Сергей Николаевич
7	Горбунова Ольга Петровна
8	Добровольский Вячеслав Александрович
9	Домотошенко Светлана Ивановна
10	Ковалев Дмитрий Геннадьевич
11	Куприянов Павел Александрович

Документы Адвокатской палаты г. Москвы

№	Фамилия, имя, отчество
12	Кухарев Александр Владимирович
13	Манджиева Саглара Григорьевна
14	Омарова Нузайрат Рамазановна
15	Осепян Артур Магмадович
16	Осипов Антон Олегович
17	Ревин Валерий Александрович
18	Рожук Михаил Григорьевич
19	Саллов Санджи Борисович
20	Серкеров Амин Маликович
21	Тетерин Сергей Михайлович
22	Шеленков Сергей Николаевич
23	Шеленкова Елена Александровна
24	Шеломенцев Олег Иванович
25	Шеломенцева Наталия Александровна

4. Возобновить статус адвоката

№	Фамилия, имя, отчество	Реестровый №
1	Вихрова Наталья Евгеньевна	77/4245
2	Воробьев Алексей Эдуардович	77/526
3	Гапотченко Татьяна Валентиновна	77/8050
4	Горелова Кира Евгеньевна	77/7494
5	Дусимова Алтнай Тулифгалеевна	77/8318
6	Михайлов Олег Николаевич	77/2340
7	Николаенко Екатерина Александровна	77/3685
8	Новиков Александр Юрьевич	77/286
9	Саликова Юлия Сергеевна	77/5375
10	Фон Поммерн-Пеглов Светлана Григорьевна	77/516
11	Хруслова Евгения Ильинична	77/6116
12	Чурсин Вадим Валентинович	77/2972
13	Шпрингер Фаина Владимировна	77/1580

Документы Адвокатской палаты г. Москвы

5. Перешли в другой регион

№	Фамилия, имя, отчество	Реестровый №
1	Евстифеев Дмитрий Олегович	77/9458
2	Ионова Анна Викторовна	77/9249
3	Кипова Мадина Мухамедовна	77/8132
4	Смирнова Евгения Васильевна	77/9234

**6. Изменения в Реестре адвокатских образований г. Москвы
(утверждены Советом АП г. Москвы 21.12.2010)**

КАБИНЕТЫ (новые)

№	Фамилия, имя, отчество	Дата регистрации
1	Скопкарева Вера Александровна	18.11.10
2	Каменева Кристина Олеговна	18.11.10
3	Еубарева Яна Александровна	18.11.10
4	Розенберг Татьяна Константиновна	19.11.10
5	Лебединцев Олег Викторович	22.11.10
6	Рябинин Сергей Алексеевич	22.11.10
7	Рыбко Вадим Борисович	25.11.10
8	Мухортов Александр Николаевич	29.11.10
9	Ранчинский Константин Леонидович	06.12.10
10	Колоколов Дмитрий Германович	06.12.10
11	Налимов Станислав Владимирович	30.11.10
12	Ульянова Елена Юрьевна	07.12.10
13	Трофимов Максим Викторович	09.12.10
14	Полиг Марианна Хосе	09.12.10
15	Мелик-Осипов Аркадий Григорьевич	10.12.10
16	Балашова Мария Алексеевна	10.12.10
17	Ермоленко Марина Борисовна	14.12.10
18	Пуженков Сергей Александрович	15.12.10
19	Мигачева Татьяна Владимировна	04.06.10
20	Рачковский Максим Тадеушевич	16.12.10
21	Чумичев Олег Сергеевич	20.12.10

Документы Адвокатской палаты г. Москвы

КАБИНЕТЫ (ликвидированные)

№	Фамилия, имя, отчество	Дата	Примечание
1	Давыдов Павел Павлович	14.10.10	Перешел в другое АО
2	Носкова Оксана Викторовна	21.12.10	Прекрашен статус
3	Колосова Елена Николаевна	15.09.10	Перешла в другое АО
4	Говряков Сергей Петрович	17.11.10	Прекрашен статус
5	Белинский Виталий Владимирович	21.12.10	Прекрашен статус
6	Серебряков Борис Федорович	21.12.10	Приостановлен статус
7	Кирланов Тимур Георгиевич	21.12.10	Перешел в другое АО
8	Рагимов Вугар Мустафа оглы	21.12.10	Прекрашен статус
9	Ленау Татьяна Викторовна	21.12.10	Приостановлен статус
10	Любимов Сергей Дмитриевич	21.12.10	Приостановлен статус
11	Свирин Александр Юрьевич	21.12.10	Перешел в другое АО
12	Кучумова Валентина Федоровна	21.12.10	Прекрашен статус
13	Иванов Андрей Александрович	21.12.10	Приостановлен статус
14	Аксенова Раиса Ивановна	21.12.10	Приостановлен статус
15	Овешникова Вера Васильевна	21.12.10	Перешла в другое АО
16	Гайсинский Рафаил Нусонович	21.12.10	Прекрашен статус
17	Сорокина Вероника Анатольевна	21.12.10	Прекрашен статус

КОЛЛЕГИИ АДВОКАТОВ (новые)

Название	Дата регистрации
КА г. Москвы «Ваш надежный советник»	25.11.10

КОЛЛЕГИИ АДВОКАТОВ (ликвидированные)

№	Название	Дата	Примечание
1	КА г. Москвы «Нота Бене»	01.11.10	Один адвокат перешел в другое АО
2	МКА «Трофимов и партнеры»	03.11.10	Один адвокат перешел в кабинет

АДВОКАТСКИЕ БЮРО (новые)

Название	Дата ликвидации
АБ г. Москвы «Васильев и партнеры»	11.11.10

ОБЗОР ДИСЦИПЛИНАРНОЙ ПРАКТИКИ

1. Соблюдение профессиональной тайны является безусловным приоритетом деятельности адвоката. Срок хранения тайны не ограничен во времени. Адвокат не может быть освобожден от обязанности хранить профессиональную тайну никем, кроме доверителя. Правила сохранения профессиональной тайны распространяются на: — факт обращения к адвокату, включая имена и названия доверителей; — все доказательства и документы, собранные адвокатом в ходе подготовки к делу; — сведения, полученные адвокатом от доверителей; — информацию о доверителе, ставшую известной адвокату в процессе оказания юридической помощи; — содержание правовых советов, данных непосредственно доверителю или ему предназначенных; — все адвокатское производство по делу; — условия соглашения об оказании юридической помощи, включая денежные расчеты между адвокатом и доверителем; — любые другие сведения, связанные с оказанием адвокатом юридической помощи (п. 2, 3, 5 ст. 6 Кодекса профессиональной этики адвоката).

...Генеральный директор ООО «Д.-АСП» Т. обратился в Адвокатскую палату г. Москвы с жалобой на действия адвоката К., указав, что адвокат К. до 21 сентября 2009 г. оказывал ООО «Д.-АСП» консультационные услуги от имени компании «S. I. L.» («С. И. Л.») на основании Договора об оказании консультационных услуг от 8 апреля 2008 г. (срок действия — 2 года) в деле по иску компании «B. G. S.A.» («Б. Г.») к ООО «Д.-АСП»; не так давно — в мае 2010 г. ООО «Д.-АСП» стало известно о нарушениях адвокатом К. норм Кодекса профессиональной этики адвоката и Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации»; информация о нарушении была получена из материалов дела, находящихся в Апелляционном суде (судебная палата по граж-

Обзор дисциплинарной практики

данским делам) в Лондоне, английские адвокаты, представляющие в деле противную сторону — компанию «B. G. S.A.», предоставили в Апелляционный суд письмо следующего содержания (нотариально удостоверенный перевод письма приложен к жалобе):

«Уважаемые господа С. и С.,

Мы хотели бы сообщить вам, что более не оказываем правовую поддержку и юридические услуги компании Д. и г-ну А. П. по судебным делам, ведущимся в Англии, Франции и России. Прекращение оказания правовой поддержки вступило в силу с понедельника— 21 сентября 2009 г.

Причиной для указанного прекращения явилось длительное разногласие с г-ном А. П. и компанией Д. по поводу их неспособности оплачивать наши гонорары по данному делу. Мы выполнили все юридические услуги, которые были изначально оговорены, но компания Д. и г-н П. не оплатили их полностью. В связи с этим мы посчитали такой подход совершенно неприемлемым, особенно учитывая то, что мы должным образом оказывали услуги компании Д. и г-ну П. до последней минуты перед судебным заседанием. Более того, мы произвели некоторые инвестиции в компанию Д. в течение работы над этим делом, однако компания Д. по причине своего бедственного финансового положения отказалась возвращать нам данный долг.

Мы хотели бы дать вам знать о том, что в настоящее время компания Д. подписала соглашение с компанией С. И. Л., которая обладает исключительным правом, предоставленным компанией Д., на проведение переговоров с компанией Б. Г. СА. по всем сделкам или урегулированию споров, которые могут возникнуть или могут быть следствием вышеуказанных судебных процессов в Англии и Франции. Компания Д. не вправе расторгнуть этот договор без предварительного согласия на это со стороны компании С. И. Л. Компания С. И. Л. уполномочила г-на К. оказывать данные услуги от ее имени. По данному соглашению с компанией С. И. Л. г-н Ш. уполномочен оказывать юридическое сопровождение планируемых переговоров. Принимая во внимание данное соглашение, мы продолжаем выполнять обязательства по нему в настоящее время.

Несмотря на упомянутые выше обстоятельства, мы действительно ценим ваш профессионализм и нам было приятно общаться и работать с вами по этому делу.

Мы надеемся, что мы были полностью откровенны и честны с вами, и этим письмом мы хотели избежать малейших недопониманий.

Обзор дисциплинарной практики

Пожалуйста, если вам будет необходимо обсудить какой-либо вопрос, относящийся или не относящийся к делу компании Д., вы можете связаться с нами в любое время.

С наилучшими пожеланиями,

*Н. К.
Е. Ш.».*

Допущенные адвокатом К. нарушения, по мнению заявителя, выразились в следующем:

1) в своем письме к адвокатам компании «В. G. S.A.» г-н К. ссылается на прекращение оказания юридической помощи ООО «Д.-АСП» с 21 сентября 2009 г. и полагает, что, исходя из этого, он вправе сообщить какую-либо информацию о своих бывших клиентах противной стороне в деле, однако же в соответствии с п. 2 ст. 6 Кодекса профессиональной этики адвоката срок хранения адвокатом профессиональной тайны не ограничен во времени; согласно п. 3 ст. 6 Кодекса профессиональной этики адвоката «Адвокат не может быть освобожден от обязанности хранить профессиональную тайну никем, кроме доверителя» — насколько понятно из письма адвоката К., адвокат сделал вывод, что прекращение действия договора с ООО «Д.-АСП» является достаточным основанием для разглашения профессиональной тайны;

2) согласно п. 5 ст. 6 Кодекса профессиональной этики адвоката правила сохранения профессиональной тайны распространяются на любые сведения, связанные с оказанием адвокатом юридической помощи доверителю. В нарушение данного предписания адвокат К. в своем письме к адвокатам противной стороны не только сообщил о прекращении оказания юридической помощи ООО «Д.-АСП», но и указал основную причину прекращения действия этого договора — отсутствие оплаты его услуг;

3) адвокат К. сообщил и то, что он произвел некоторые инвестиции в ООО «Д.-АСП», но ООО «Д.-АСП» не вернула долг по причине бедственного финансового положения. Упоминание таких фактов адвокатом является грубым нарушением положений ст. 6 Кодекса профессиональной этики адвоката, а также нарушением п. 4 ст. 10 Кодекса профессиональной этики адвоката, согласно которому «Адвокат не должен ставить себя в долговую зависимость от доверителя».

Упоминания об отсутствии оплаты услуг адвокатов и невозврате ООО «Д.-АСП» вложенных в него инвестиций являются лож-

Обзор дисциплинарной практики

ными. ООО «Д.-АСП» ничего не известно об инвестициях в него со стороны адвоката К., а согласно условиям Договора от 8 апреля 2008 г. ООО «Д.-АСП» было обязано предоставить вознаграждение в случае успешного оказания услуг со стороны Консультанта в лице адвоката К., однако успешного результата достигнуто не было;

4) в соответствии с п. 1 ст. 4 Кодекса профессиональной этики адвоката «адвокаты при всех обстоятельствах должны сохранять честь и достоинство, присущие их профессии», в соответствии с ч. 5 ст. 15 Кодекса профессиональной этики адвоката «адвокат не вправе поступаться интересами доверителя ни во имя товарищеских, ни каких-либо иных отношений». Это означает, что никакие обстоятельства не должны влиять на соблюдение адвокатами правил профессиональной этики и не могут являться разумным обоснованием их нарушения. Исходя из содержания прилагаемого письма, адвокат К. нарушил обязанность сохранять честь и достоинство адвоката, раскрыв адвокатскую тайну и поступившись интересами доверителя — ООО «Д.-АСП»;

5) адвокат К. раскрыл информацию о том, что ООО «Д.-АСП» заключило договор с компанией «S. I. L.» для проведения переговоров с компанией «B. G. S.A.» по всем сделкам или урегулированию споров, которые могут возникнуть или могут быть следствием судебных процессов в Англии и Франции. При этом адвокат К. раскрыл подробности договора между ООО «Д.-АСП» и компанией «S. I. L.», а именно то, что ООО «Д.-АСП» не вправе расторгнуть этот договор без предварительного согласия на это со стороны компании «S. I. L.»;

6) в завершение своего письма, нарушив отдельные положения Кодекса профессиональной этики адвоката, адвокат К. заявляет адвокатам противной стороны о том, что если адвокатам компании «B. G. S.A.» будет необходимо обсудить какие-либо еще вопросы по данному делу, то адвокат К. готов это сделать в любое время. Следовательно, помимо уже существующих нарушений профессиональной этики, адвокат К. сообщает о своей готовности нарушать ее и в дальнейшем;

7) адвокат К. кроме нарушений норм Кодекса профессиональной этики адвоката и Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» нарушил и свои договорные обязательства, поскольку он пренебрег обязательства-

Обзор дисциплинарной практики

ми по сохранению конфиденциальной информации об ООО «Д.-АСП», предусмотренными п. 8 Договора от 8 апреля 2008 г.;

8) в конечном итоге Апелляционный суд вынес решение в пользу истца по делу, таким образом, оценка судом письма адвоката К. явилась одним из факторов, повлекших для ООО «Д.-АСП» крайне негативные последствия в виде судебного акта, вынесенного против ООО «Д.-АСП», между тем «Адвокат не вправе без согласия доверителя разглашать сведения, сообщенные адвокату доверителем в связи с оказанием ему юридической помощи» (ст. 6, пп. 4 п. 1 ст. 9 Кодекса профессиональной этики адвоката и пп. 5 п. 4 ст. 6 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации»), «Адвокат должен избегать действий, направленных к подрыву доверия. Злоупотребление доверием несовместимо со званием адвоката» (п. 2 и 3 ст. 5 Кодекса профессиональной этики адвоката).

По мнению заявителя, перечисленные выше нарушения Кодекса профессиональной этики адвоката показывают, что адвокат К. пренебрег положениями Кодекса, что является «несовместимым со званием адвоката», поэтому он просит применить к адвокату К. меру дисциплинарной ответственности, соответствующую степени совершенных им проступков.

...Выслушав объяснения адвоката К., изучив письменные материалы дисциплинарного производства, обсудив доводы жалобы генерального директора ООО «Д.-АСП» Т. (вх. № 2248 от 13.07.2010), Квалификационная комиссия, проведя голосование именными бюллетенями, пришла к следующим выводам.

...Юридическая оценка обстоятельств дела, установленных Квалификационной комиссией

Поводом для возбуждения в отношении адвоката дисциплинарного производства является жалоба, поданная в адвокатскую палату доверителем адвоката или его законным представителем (пп. 1 п. 1 ст. 20 Кодекса профессиональной этики адвоката).

Адвокат К. считает, что ООО «Д.-АСП» не является его доверителем, поскольку ООО «Д.-АСП» заключало соглашения об оказании юридической помощи с адвокатом Ш., с адвокатами из английских и французских юридических фирм, с компанией «С. И. Л.», но не с адвокатом К.

Не отрицая, что участвовал в процессе оказания ООО «Д.-АСП» квалифицированной юридической помощи по вопросам патент-

Обзор дисциплинарной практики

ного права, адвокат К., вместе с тем, утверждает, что непосредственно юридическую помощь на основании Договора об оказании консультационных услуг от 8 апреля 2008 г. ООО «Д.-АСП» оказывала компания «С. И. Лтд.», а адвокат К., работая с ООО «Д.-АСП», тем самым оказывал квалифицированную юридическую помощь своему доверителю — компании «С. И. Лтд.» на основании Соглашения об оказании юридической помощи от 8 февраля 2008 г., в предмет которого, *inter alia*, входило выполнение адвокатом К. функций представителя доверителя «(с) в отношениях с юридическими и физическими лицами, включая, но не ограничиваясь ООО «Д.»; (d) в отношениях с ООО «Д.-АСП» с целью проведения переговоров, согласования условий и проекта договора, подписания договора, организации и получения платежей от имени Доверителя; (e) в случае заключения договора между Доверителем и ООО «Д.-АСП» оказывать Доверителю юридические услуги в поддержку заключенного договора, а также быть представителем Доверителя в отношениях с ООО «Д.-АСП» (п. 2.1.1 пп. с, d, e).

При этом адвокат К. не отрицает, что до 21 сентября 2009 г. он во всех правоотношениях по представительству интересов ООО «Д.-АСП» перед третьими лицами, в том числе перед истцом — компанией «В.-G. SA», идентифицировал себя как представитель ООО «Д.-АСП», а не как представитель компании «С. И. Лтд.». Впервые об участии компании «С. И. Лтд.» в урегулировании спора между компанией «В.-G. SA» и ООО «Д.-АСП», П., о наличии у компании «С. И. Лтд.» договора с ООО «Д.-АСП» на оказание консультационных услуг и о том, что адвокат К. на самом деле представляет интересы компании «С. И. Лтд.», адвокат К. сообщил 21 сентября 2009 г. письмом, отправленным по электронной почте Д. К. — адвокату английской фирмы «С. С.», представлявшей интересы ООО «Д.-АСП» в судах Великобритании. 28 сентября 2008 г. адвокат К. сообщил об этом же представителям истца М. С. и В. С., отправив письмо по электронной почте (в связи с информацией, сообщенной в этом письме, и возбуждено настоящее дисциплинарное производство).

Квалификационная комиссия не может согласиться с доводами адвоката К. о том, что ООО «Д.-АСП» не является доверителем данного адвоката.

Как следует из имеющихся в материалах дисциплинарного производства доказательств, не позднее 3 февраля 2008 г. адвокат К.

Обзор дисциплинарной практики

приступил к оказанию квалифицированной юридической помощи ООО «Д.-АСП» в связи с предъявлением в суды Великобритании и Франции компанией «B.-G. SA» исков, вытекающих из патентных правоотношений, к ООО «Д.-АСП». При этом адвокат К., вопреки предписанию ст. 25 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», заключил с доверителем ООО «Д.-АСП» соглашение об оказании юридической помощи не в простой письменной, а в устной форме, что свидетельствует о несоблюдении адвокатом К. при осуществлении адвокатской деятельности предписаний действующего законодательства, но не о том, что между адвокатом К. и ООО «Д.-АСП» не сформировалась устойчивая правовая связь по типу «адвокат — доверитель».

Компания «С. И. Лтд.» никакого отношения к рассматриваемым правоотношениям не имела. То обстоятельство, что 8 февраля 2008 г. адвокат К. заключил с компанией «С. И. Лтд.» соглашение об оказании юридической помощи, предметом которого, *inter alia*, являлось выполнение адвокатом К. функций представителя доверителя «(с) в отношениях с юридическими и физическими лицами, включая, но не ограничиваясь ООО «Д.»; (d) в отношениях с ООО «Д.-АСП» с целью проведения переговоров, согласования условий и проекта договора, подписания договора, организации и получения платежей от имени Доверителя; (е) в случае заключения договора между Доверителем и ООО «Д.-АСП» оказывать Доверителю юридические услуги в поддержку заключенного договора, а также быть представителем Доверителя в отношениях с ООО «Д.-АСП» (п. 2.1.1 пп. с, d, e), на вывод Квалификационной комиссии не влияет, поскольку до 8 апреля 2008 г. никакой юридической связи между ООО «Д.-АСП» и компанией «С. И. Лтд.» вообще не существовало, а адвокат К. во всех правоотношениях выступал как представитель ООО «Д.-АСП». Более того, адвокат К. не отрицает, что вплоть до 21 сентября 2009 г. он продолжал во всех правоотношениях с третьими лицами идентифицировать себя как представитель ООО «Д.-АСП», а о наличии в правоотношениях посредника-консультанта — компании «С. И. Лтд.» третьи лица в известность не ставились.

Адвокат К. пояснил, что, помимо него, от офшорной компании «С. И. Л.» с ООО «Д.-АСП» никто не общался; у компании «С. И. Лимитед» учредителем является юридическое лицо, у этого юри-

Обзор дисциплинарной практики

дического лица есть два учредителя — физические лица, которые проживают в США и занимаются двумя видами деятельности: один вид деятельности — это спонсорство наиболее перспективных судебных процессов, которые интересны для того, чтобы инвестировать туда деньги и нанимать адвокатов для стороны, второй вид деятельности — ведение переговоров с самим контрагентом ООО «Д.-АСП»; единственным человеком, который контактировал с компанией ООО «Д.-АСП» от лица компании «С. И. Лимитед», был адвокат К., соответственно, его функции были в ведении переговоров с компанией «Б. Г.».

Применительно к данной конкретной ситуации доводы адвоката К. о том, что компания «С. И. Лтд.» участвовала в правоотношениях с ООО «Д.-АСП», осуществляя тем самым предпринимательскую деятельность, Квалификационная комиссия признает надуманными.

Никаких доказательств спонсорства в отношении ООО «Д.-АСП» со стороны компании «С. И. Лтд.» адвокатом К. не представлено. Наоборот, все расходы по участию адвоката К. в оказании квалифицированной юридической помощи ООО «Д.-АСП» и П. несли последние. Так, например, 13 февраля 2008 г. адвокат К. получил от П. на командировочные расходы ... рублей, о чем выдал расписку, 13—14 марта 2008 г. и 13—16 мая 2008 г. П. приобрел для адвоката К. авиабилеты соответственно в Лондон и в Париж. К поиску адвоката К. как носителя необходимых для ООО «Д.-АСП» уникальных юридических знаний компания «С. И. Лтд.» также никакого отношения не имела. Сам адвокат К. не отрицает, что сначала ООО «Д.-АСП» обратилось за получением квалифицированной юридической помощи к адвокату Ш., который в свою очередь рекомендовал доверителю адвоката К., и лишь после того, как последний приступил к оказанию ООО «Д.-АСП» квалифицированной юридической помощи, по инициативе адвоката К. была составлена схема, подразумевавшая участие в правоотношениях компании «С. И. Лтд.».

Таким образом, из имеющихся в материалах дисциплинарного производства доказательств усматривается, что никакого реального участия в процессе оказания ООО «Д.-АСП» юридической помощи (консультационных услуг) компания «С. И. Лтд.» не принимала, равным образом эта компания не имела никакого отношения к обращению ООО «Д.-АСП» за получением квалифицированной юридической помощи именно к адвокату К.

Обзор дисциплинарной практики

Квалификационная комиссия считает, что включение по рекомендации адвоката К. в формальную схему правоотношений по оказанию юридической помощи ООО «Д.-АСП» (но не в сам процесс оказания такой помощи) оффшорной компании «С. И. Лтд.» было необходимо, чтобы минимизировать налогообложение доходов, которые предполагалось получить от совершения сделки, описанной в Договоре об оказании консультационных услуг от 8 апреля 2008 г. (10% от суммы компенсации, полученной ООО «Д.-АСП» и П. от совершения сделки), а также облегчить для себя возможные споры с ООО «Д.-АСП», поскольку по российскому законодательству взыскание «гонорара успеха» (условие соглашения об оказании юридической помощи, в соответствии с которым выплата вознаграждения ставится в зависимость от результата дела) невозможно в судебном порядке (см. Постановление Конституционного суда РФ от 23 января 2007 г. № 1-П по делу о проверке конституционности положений пункта 1 статьи 779 и пункта 1 статьи 781 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобами общества с ограниченной ответственностью «Агентство корпоративной безопасности» и гражданина В.В. Макеева). На данные обстоятельства представитель заявителя П. указал в объяснениях, данных им в заседании Квалификационной комиссии 24 ноября 2010 г.

С учетом изложенного следует признать, что жалоба на действия адвоката К., являющаяся предметом рассмотрения в ходе настоящего дисциплинарного производства, подана ООО «Д.-АСП» как доверителем адвоката, а потому данная жалоба является допустимым поводом к возбуждению дисциплинарного производства в отношении адвоката К.

Адвокат при осуществлении профессиональной деятельности обязан честно, разумно и добросовестно отстаивать права и законные интересы доверителя всеми не запрещенными законодательством Российской Федерации средствами, соблюдать кодекс профессиональной этики адвоката (пп. 1 и 4 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», п. 1 ст. 8 Кодекса профессиональной этики адвоката). За неисполнение либо ненадлежащее исполнение своих обязанностей адвокат несет ответственность, предусмотренную Федеральным законом «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» (п. 2 ст. 7 названного Закона).

Обзор дисциплинарной практики

Адвокаты при всех обстоятельствах должны сохранять честь и достоинство, присущие их профессии (п. 1 ст. 4 Кодекса профессиональной этики адвоката).

Адвокатской тайной являются любые сведения, связанные с оказанием адвокатом юридической помощи своему доверителю (п. 1 ст. 8 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации»),

Соблюдение профессиональной тайны является безусловным приоритетом деятельности адвоката. Срок хранения тайны не ограничен во времени. Адвокат не может быть освобожден от обязанности хранить профессиональную тайну никем, кроме доверителя. Правила сохранения профессиональной тайны распространяются на: — факт обращения к адвокату, включая имена и названия доверителей; — все доказательства и документы, собранные адвокатом в ходе подготовки к делу; — сведения, полученные адвокатом от доверителей; — информацию о доверителе, ставшую известной адвокату в процессе оказания юридической помощи; — содержание правовых советов, данных непосредственно доверителю или ему предназначенных; — все адвокатское производство по делу; — условия соглашения об оказании юридической помощи, включая денежные расчеты между адвокатом и доверителем; — любые другие сведения, связанные с оказанием адвокатом юридической помощи (п. 2, 3, 5 ст. 6 Кодекса профессиональной этики адвоката).

Адвокат не вправе разглашать без согласия доверителя сведения, сообщенные им адвокату в связи с оказанием ему юридической помощи (пп. 4 п. 1 ст. 9 Кодекса профессиональной этики адвоката).

21 сентября 2009 г. в г. Москве состоялась встреча представителей заявителя ООО «Д.-АСП», П. с адвокатами К. и Ш. В ходе встречи между доверителями и адвокатами возникли разногласия относительно оплаты за оказанную и подлежащую оказанию в будущем юридическую помощь, в результате чего ООО «Д.-АСП» и П. приняли решение более помощью адвокатов К. и Ш. не пользоваться.

28 сентября 2009 г. адвокат К. направил по электронной почте письмо представителям истца компании «B.-G. SA» М. С. и В. С., в котором от своего имени и от имени адвоката Ш., *inter alia*, указал следующее: *«Мы хотели бы сообщить вам, что более не оказываем*

Обзор дисциплинарной практики

правовую поддержку и юридические услуги компании Д. и г-ну А. П. по судебным делам, введущимся в Англии, Франции и России. Прекращение оказания правовой поддержки вступило в силу с понедельника — 21 сентября 2009 г. Причиной для указанного прекращения явилось длительное разногласие с г-ном А. П. и компанией Д. по поводу их неспособности оплачивать наши гонорары по данному делу. Мы выполнили все юридические услуги, которые были изначально оговорены, но компания Д. и г-н П. не оплатили их полностью. В связи с этим мы посчитали такой подход совершенно неприемлемым, особенно учитывая то, что мы должным образом оказывали услуги компании Д. и г-ну П. до последней минуты перед судебным заседанием. Более того, мы произвели некоторые инвестиции в компанию Д. в течение работы над этим делом, однако компания Д. по причине своего бедственного финансового положения отказалась возвращать нам данный долг. Мы хотели бы дать вам знать о том, что в настоящее время компания Д. подписала соглашение с компанией С. И. Лимитед, которая обладает исключительным правом, предоставленным компанией Д., на проведение переговоров с компанией Б. Г. С А. по всем сделкам или урегулированию споров, которые могут возникнуть или могут быть следствием вышеуказанных судебных процессов в Англии и Франции. Компания Д. не вправе расторгнуть этот договор без предварительного согласия на это со стороны компании С. И. Лимитед. Компания С. И. Лимитед уполномочила г-на К. оказывать данные услуги от ее имени. По данному соглашению с компанией С. И. Лимитед г-н Ш. уполномочен оказывать юридическое сопровождение планируемых переговоров. Принимая во внимание данное соглашение, мы продолжим выполнять обязательства по нему в настоящее время».

По мнению заявителя, направив представителям противоположной стороны в споре данное письмо, адвокат К. разгласил сведения, составляющие адвокатскую тайну, а именно сведения о причинах разногласий между адвокатом К. и ООО «Д.-АСП», о финансовом положении ООО «Д.-АСП», о наличии у ООО «Д.-АСП» соглашения с компанией «С. И. Лтд.».

С данным доводом заявителя Квалификационная комиссия соглашается, поскольку все перечисленные сведения стали известны адвокату К. от его доверителя ООО «Д.-АСП», они подпадают под круг сведений, составляющих адвокатскую тайну, как он определен в п. 1 ст. 8 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» и в п. 5 ст. 6 Кодекса про-

Обзор дисциплинарной практики

фессиональной этики адвоката, впервые до сведения третьих лиц данные сведения были доведены именно адвокатом К., причем без согласия доверителя.

Адвокат К. направлением им письма от 28 сентября 2008 г. представителям истца компании «В.-G. SA» М. С. и В. С. объяснил тем, что это письмо было реакцией его доверителя компании «С. И. Лтд.», что адвокат якобы защищал интересы своего доверителя — компании «С. И. Лтд.» и вынужденно выходил из процесса, что необходимость сообщать о неплатежеспособности компании ООО «Д.-АСП» состояла в том, что в тот момент, когда уже французский суд состоялся, первая инстанция была выиграна, далее оставалось небольшое количество времени до английского процесса, весь процесс практически был подготовлен, неожиданно представители ООО «Д.-АСП» говорят адвокатам Ш. и К. в личной беседе, соответственно, учитывая договор между компанией «С. И. Лимитед» и ООО «Д.-АСП», о том, что в их услугах они больше не нуждаются, а у адвоката К. никаких отношений с ООО «Д.-АСП» нет, кроме как в связи с представительством его доверителя — компании «С. И. Лимитед»; если ООО «Д.-АСП» не доверитель адвоката, то адвокат делает все в интересах своего доверителя. Кроме того, адвокат К. пояснил, что письмом от 28 сентября 2009 г. он хотел попроситься и сказать, что не он причина этого расставания, он дело довел практически до первой инстанции и хотелось, естественно, участвовать в этом деле дальше.

Кроме того, адвокат Ш. в письменном заявлении от 10 августа 2010 г. о несогласии с заключением Квалификационной комиссии Адвокатской палаты Московской области указал следующее: «Я как адвокат имею право на защиту собственной репутации в отношениях с коллегами и полагаю, что имею право сообщить им о причине моего внезапного прекращения участия в процессе. Так как мировая практика состоит в том, что внезапный отказ доверителя от услуг адвоката трактуется как непрофессионализм последнего» (копия материалов дисциплинарного производства в отношении адвоката 111, рассматривавшегося в Адвокатской палате Московской области, приобщена к материалам настоящего дисциплинарного производства).

Между тем, согласно п. 4 ст. 6 Кодекса профессиональной этики адвоката «Без согласия доверителя адвокат вправе использовать сообщенные ему доверителем сведения в объеме, который адвокат

Обзор дисциплинарной практики

считает разумно необходимым для обоснования своей позиции при рассмотрении гражданского спора между ним и доверителем или для своей защиты по возбужденному против него дисциплинарному производству или уголовному делу».

Перечисленные обстоятельства отсутствовали на момент направления адвокатом К. 28 сентября 2009 г. по электронной почте письма представителям истца компании «В.-G. SA» М. С. и В. С.

Доводы адвоката К. о том, что, направляя 28 сентября 2009 г. письмо представителям истца компании «В.-G. SA» М. С. и В. С., он якобы защищал интересы своего доверителя компании «С. И. Лтд.», Квалификационная комиссия признает надуманными, направленными на то, чтобы оправдать совершенное им без согласия своего доверителя ООО «Д.-АСП» разглашение сведений, составляющих адвокатскую тайну, поскольку Квалификационной комиссией достоверно установлено, что не позднее 3 февраля 2008 г. адвокат К. заключил в устной форме с ООО «Д.-АСП» соглашение об оказании юридической помощи.

Квалификационная комиссия признает, что адвокат К. без согласия доверителя ООО «Д.-АСП» разгласил следующие сведения, составляющие адвокатскую тайну:

— сведения о том, что причиной для прекращения оказания юридических услуг компании «Д.» и г-ну А. П. по судебным делам, ведущимся в Англии, Франции и России, с 21 сентября 2009 г. явилось длительное разногласие с г-ном А. П. и компанией «Д.» по поводу их неспособности оплачивать гонорары адвокатов по данному делу, что адвокаты выполнили все юридические услуги, которые были изначально оговорены, но компания «Д.» и г-н П. не оплатили их полностью, что адвокаты произвели некоторые инвестиции в компанию «Д.» в течение работы над этим делом, однако компания «Д.» по причине своего бедственного финансового положения отказалась возвращать им данный долг;

— сведения о том, что компания «Д.» подписала соглашение с компанией «С. И. Лимитед», которая обладает исключительным правом, предоставленным компанией «Д.», на проведение переговоров с компанией «Б. Г. СА.» по всем сделкам или урегулированию споров, которые могут возникнуть или могут быть следствием вышеуказанных судебных процессов в Англии и Франции, что компания «Д.» не вправе расторгнуть этот договор без предварительного согласия на это со стороны компании «С. И. Лимитед», что

Обзор дисциплинарной практики

компания «С. И. Лимитед» уполномочила г-на К. оказывать данные услуги от ее имени.

Меры дисциплинарной ответственности могут быть применены к адвокату, если с момента совершения им нарушения прошло не более одного года (ч. 2 п. 5 ст. 18 Кодекса профессиональной этики адвоката).

Письмо, содержание которого является предметом рассмотрения в ходе настоящего дисциплинарного производства, было направлено адвокатом К. представителям истца компании «B.-G. SA» М. С. и В. С. 28 сентября 2009 г., а заключение выносится Квалификационной комиссией Адвокатской палаты г. Москвы 8 декабря 2010 г.

В этой связи Квалификационной комиссии надлежит установить, с какого числа надлежит исчислять срок, установленный ч. 2 п. 5 ст. 18 Кодекса профессиональной этики адвоката применительно к обстоятельствам настоящего дисциплинарного производства.

Квалификационная комиссия считает, что при обвинении адвоката в разглашении без согласия доверителя сведений, составляющих адвокатскую тайну, срок, установленный ч. 2 п. 5 ст. 18 Кодекса профессиональной этики адвоката, надлежит исчислять со дня, когда доверитель адвоката узнал или должен был узнать, что адвокат без его согласия разгласил сведения, составляющие адвокатскую тайну.

При этом Квалификационная комиссия исходит из того, что «Соблюдение профессиональной тайны является безусловным приоритетом деятельности адвоката. Срок хранения тайны не ограничен во времени» (п. 2 ст. 6 Кодекса профессиональной этики адвоката), то есть разглашение адвокатской тайны может произойти спустя любое время по окончании оказания адвокатом доверителю юридической помощи. Однажды сообщив адвокату какие-либо конфиденциальные сведения (п. 5 ст. 6 Кодекса профессиональной этики адвоката), доверитель вправе рассчитывать на то, что без его согласия данные сведения никогда не будут сообщены адвокатом третьим лицам, то есть преданы гласности (разглашены), за исключением случаев, указанных в п. 4 ст. 6 Кодекса профессиональной этики адвоката.

При ином понимании при обвинении адвоката в разглашении без согласия доверителя сведений, составляющих адвокатскую тайну, порядка исчисления срока, установленного ч. 2 п. 5 ст. 18 Кодекса

Обзор дисциплинарной практики

профессиональной этики адвоката, интересы доверителя адвоката окажутся незащищенными, а необходимость существования и деятельности адвокатского сообщества может быть поставлена под сомнение.

В письме от 21 сентября 2009 г., направленном адвокатом К. на имя одного из адвокатов ООО «Д.-АСП» и П. в Лондоне — Д. К., среди прочего уже сообщалось о том, что компания «Д.» подписала соглашение с компанией «С. И. Лимитед», которая обладает исключительным правом, предоставленным компанией «Д.», на проведение переговоров с компанией «Б. Г. СА.» по всем сделкам или урегулированию споров, которые могут возникнуть или могут быть следствием вышеуказанных судебных процессов в Англии и Франции, что компания «Д.» не вправе расторгнуть этот договор без предварительного согласия на это со стороны компании «С. И. Лимитед», что компания «С. И. Лимитед» уполномочила г-на К. оказывать данные услуги от ее имени.

21 сентября 2009 г. адвокат К. переслал это письмо в ООО «Д.-АСП».

28 сентября 2009 г. адвокат К. направил представителям истца компании «В.-G. SA» М. С. и В. С. письмо, в котором также сообщалось о том, что компания «Д.» подписала соглашение с компанией «С. И. Лимитед», которая обладает исключительным правом, предоставленным компанией «Д.», на проведение переговоров с компанией «Б. Г.» по всем сделкам или урегулированию споров, которые могут возникнуть или могут быть следствием вышеуказанных судебных процессов в Англии и Франции, что компания «Д.» не вправе расторгнуть этот договор без предварительного согласия на это со стороны компании «С. И. Лимитед», что компания «С. И. Лимитед» уполномочила г-на К. оказывать данные услуги от ее имени.

Анализ последующей переписки непосредственно показывает, что 1 октября 2009 г. адвокат истца М. С. отправил по электронной почте письмо главе Юридического департамента ООО «Д.-АСП» Е., в котором указал, что из письма адвоката К. от 28 сентября 2009 г. узнал, что ООО «Д.-АСП» заключило соглашение с компанией «С. И. Лтд.», интересы которой будет представлять адвокат К.; просил разъяснить, как в этой связи соотносятся полномочия К. и П., сообщить, что это за компания «С. И. Лтд.», чтобы внести информацию в делопроизводство.

Обзор дисциплинарной практики

Таким образом, о разглашении адвокатом К. сведений, составляющих адвокатскую тайну, а именно о том, что компания «Д.» подписала соглашение с компанией «С. И. Лимитед», которая обладает исключительным правом, предоставленным компанией «Д.», на проведение переговоров с компанией «Б. Г. СА.» по всем сделкам или урегулированию споров, которые могут возникнуть или могут быть следствием вышеуказанных судебных процессов в Англии и Франции, что компания «Д.» не вправе расторгнуть этот договор без предварительного согласия на это со стороны компании «С. И. Лимитед», что компания «С. И. Лимитед» уполномочила г-на К. оказывать данные услуги от ее имени, — доверителю адвоката К. — ООО «Д.-АСП» стало известно не позднее 1 октября 2009 г., то есть срок, установленный п. 5 ст. 18 Кодекса профессиональной этики адвоката для привлечения адвоката К. к дисциплинарной ответственности, истек 1 октября 2010 г.

В то же время из имеющихся в материалах дисциплинарного производства доказательств, представленных участниками дисциплинарного производства на основе принципов состязательности и равенства, усматривается, что содержащиеся в письме от 28 сентября 2009 г., направленном адвокатом К. представителям истца компании «B.-G. SA» М. С. и В. С., сведения о том, что причиной для прекращения оказания адвокатом К. юридических услуг компании «Д.» и г-ну А. П. по судебным делам, ведущимся в Англии, Франции и России, с 21 сентября 2009 г. явилось длительное разногласие с г-ном А. П. и компанией «Д.» по поводу их неспособности оплачивать гонорары адвокатов по данному делу, что адвокаты выполнили все юридические услуги, которые были изначально оговорены, но компания «Д.» и г-н П. не оплатили их полностью, что адвокаты произвели некоторые инвестиции в компанию «Д.» в течение работы над этим делом, однако компания «Д.» по причине своего бедственного финансового положения отказалась возвращать им данный долг, — были впервые преданы гласности 14 мая 2010 г. в письменных показаниях партнера английской юридической фирмы «R. S. LLP» С. Э., направленных в Апелляционный суд (гражданское отделение), в которых в обоснование просьбы ее доверителя — компании «B.-G. SA» (ответчика по апелляции ООО «Д.-АСП» и П.) о компенсации расходов адвокат С. Э. сослалась на письмо адвоката К. от 28 сентября 2009 г., направленное представителям компании «B.-G. SA» В. С. и М. С.

Обзор дисциплинарной практики

В пунктах 34, 35, 37 письменных показаний адвоката С. Э. приводятся следующие цитаты из письма адвоката К. от 28 сентября 2009 г.: «Мы хотели бы сообщить вам, что более не оказываем правовую поддержку и юридические услуги компании Д. и г-ну А. П. по судебным делам, ведущимся в Англии, Франции и России» (п. 34), «Причиной для указанного прекращения явилось длительное разногласие с г-ном А. П. и компанией Д. по поводу их неспособности оплачивать наши гонорары по данному делу...» (п. 35), «Мы хотели бы дать вам знать о том, что в настоящее время компания Д. подписала соглашение с компанией С. И. Лимитед, которая обладает исключительным правом, предоставленным компанией Д., на проведение переговоров с компанией Б. Г. СА. по всем сделкам или урегулированию споров, которые могут возникнуть или могут быть следствием вышеуказанных судебных процессов в Англии и Франции. Компания Д. не вправе расторгнуть этот договор без предварительного согласия на это со стороны компании С. И. Лимитед. Компания С. И. Лимитед уполномочила г-на К. оказывать данные услуги от ее имени. По данному соглашению с компанией С. И. Лимитед г-н Ш. уполномочен оказывать юридическое сопровождение планируемых переговоров. Принимая во внимание данное соглашение, мы продолжаем выполнять обязательства по нему в настоящее время» (п. 37).

При этом Квалификационная комиссия не принимает довод адвоката К. о том, что в письменных свидетельских показаниях С. Э. от 14 мая 2010 г. не цитируется его письмо от 28 сентября 2009 г. в части указания на бедственное финансовое положение ООО «Д.-АСП», поскольку, как усматривается из текста письменных показаний С. Э. от 14 мая 2010 г., указанное письмо адвоката К. от 28 сентября 2009 г. было приложено к показаниям на странице 28 и оформлено в виде «Приложения SLA-1», то есть предано гласности.

Таким образом, о разглашении адвокатом К. сведений, составляющих адвокатскую тайну, а именно о том, что причиной для прекращения оказания юридических услуг компании «Д.» и г-ну А. П. по судебным делам, ведущимся в Англии, Франции и России, с 21 сентября 2009 г. явилось длительное разногласие с г-ном А. П. и компанией «Д.» по поводу их неспособности оплачивать гонорары адвокатов по данному делу, что адвокаты выполнили все юридические услуги, которые были изначально оговорены, но компания «Д.» и г-н П. не оплатили их полностью, что адвокаты прозвели некоторые инвестиции в компанию «Д.» в течение работы

Обзор дисциплинарной практики

над этим делом, однако компания «Д.» по причине своего бедственного финансового положения отказалась возвращать им данный долг, — доверителю адвоката К. — ООО «Д.-АСП» стало известно не ранее 14 мая 2010 г., то есть срок, установленный п. 5 ст. 18 Кодекса профессиональной этики адвоката для привлечения адвоката К. к дисциплинарной ответственности, на момент рассмотрения Квалификационной комиссией данного дисциплинарного производства не истек.

Относительно довода адвоката К. о том, что письмом от 28 сентября 2009 г. он хотел попрощаться с представителями истца — компании «В.-G. SA» М. С. и В. С. и сказать, что не он причина этого расставания, Квалификационная комиссия отмечает, что само по себе сообщение в корректной форме процессуальным оппонентам о прекращении оказания юридической помощи доверителю полностью соответствует правилам профессиональной этики. Однако при формулировании такого сообщения адвокат обязан учитывать предписания Кодекса профессиональной этики адвоката, в том числе о том, что «Адвокаты при всех обстоятельствах должны сохранять честь и достоинство, присущие их профессии» (п. 1 ст. 4 Кодекса профессиональной этики адвоката). Между тем, адвокат К., будучи недоволен поведением своего доверителя ООО «Д.-АСП», из-за которого ему, по сути, пришлось вынужденно прекратить свое участие в оказании доверителю квалифицированной юридической помощи, не достигнув благоприятного для доверителя результата, который принес бы адвокату моральное и материальное удовлетворение, нарушил предписание п. 1 ст. 4 Кодекса профессиональной этики адвоката, разгласив без согласия доверителя сведения, составляющие адвокатскую тайну, что несовместимо с сохранением в рассматриваемой ситуации чести и достоинства адвоката.

С учетом изложенного Квалификационная комиссия приходит к выводу о том, что, включив в письмо представителям истца — компании «В.-G. SA» М. С. и В. С. от 28 сентября 2009 г. сведения о том, что причиной для прекращения оказания юридических услуг компании «Д.» и г-ну А. П. по судебным делам, ведущимся в Англии, Франции и России, с 21 сентября 2009 г. явилось длительное разногласие с г-ном А. П. и компанией «Д.» по поводу их неспособности оплачивать гонорары адвокатов по данному делу, что адвокаты выполнили все юридические услуги, которые были из-

Обзор дисциплинарной практики

начально оговорены, но компания «Д.» и г-н П. не оплатили их полностью, что адвокаты произвели некоторые инвестиции в компанию «Д.» в течение работы над этим делом, однако компания «Д.» по причине своего бедственного финансового положения отказалась возвращать им данный долг, — адвокат К. нарушил п. I ст. 4, п. 2, 3, 5 ст. 6, пп. 4 п. 1 ст. 9 Кодекса профессиональной этики адвоката.

Относительно доводов заявителя о том, что разглашение адвокатом К. сведений, составляющих адвокатскую тайну, повлекло для ООО «Д.-АСП» негативные последствия в виде возложения на него 29 июля 2010 г. Апелляционным судом обязанности компенсировать истцу — компании «B.-G. SA» судебные издержки (расходы по возражению на апелляцию). Квалификационная комиссия отмечает, что данные доводы не бесспорны.

С доводом адвоката К. о том, что в обоснование своих доводов адвокат истца С. Э. ссылается только на правило 25.13(2)(а) Правил доказывания в гражданском процессе («Суд вправе издать приказ об обеспечении расходов в соответствии с правилом 25.12 в том случае, если он убежден в том, что, учитывая все обстоятельства дела, будет справедливым издать такой приказ, и заявитель является резидентом вне юрисдикции, но не резидентом в государстве — члене Брюссельской конвенции, государстве, обязанном в соответствии с Луганской конвенцией, или государством, подпадающим под действия Регулирования, как указано в разделе 1(3) Закона 1982 г. О Гражданской Юрисдикции и Решениях Суда»), но не правило 25.13(2)(с) Правил доказывания в гражданском процессе («Суд вправе издать приказ об обеспечении расходов в соответствии с правилом 25.12 в том случае, если он убежден в том, что, учитывая все обстоятельства дела, будет справедливым издать такой приказ, и заявитель является компанией или иным юридическим лицом (инкорпорированным в или вне Великобритании) и имеется основание полагать, что оно не сможет оплатить расходы ответчика, если будет издан соответствующий приказ об этом»), Квалификационная комиссия согласиться не может, поскольку в п. 17 письменных показаний С. Э. от 14 мая 2010 г. помимо прямой ссылки на правило 25.13(2)(а) указано также, что компания «B.-G. SA» считает, что необходимо обязать ООО «Д.-АСП» произвести в пользу компании «B.-G. SA» обеспечительный платеж, поскольку есть основания полагать, что ООО «Д.-АСП» не

Обзор дисциплинарной практики

сможет впоследствии компенсировать компании «В.-Г. SA» ее расходы, если такой приказ будет издан.

Вместе с тем, несогласие Квалификационной комиссии с доводами адвоката К. в рассматриваемой части не влияет на вывод Комиссии об отсутствии неоспоримо доказанной причинной связи между разглашением адвокатом К. сведений, составляющих адвокатскую тайну, и последствиями, которые ООО «Д.-АСП» оценивает как негативные.

Иные доводы жалобы заявителя самостоятельного правового значения не имеют.

На основании изложенного Квалификационная комиссия Адвокатской палаты г. Москвы, руководствуясь п. 7 ст. 33 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» и пп. 1 и 5 п. 9 ст. 23 Кодекса профессиональной этики адвоката, единогласно выносит заключение:

— о нарушении адвокатом К. п. 1 ст. 4, пп. 2, 3, 5 ст. 6, пп. 4 п. 1 ст. 9 Кодекса профессиональной этики адвоката, выразившемся во включении адвокатом К. в письмо представителям истца — компании «В.-Г. SA» М. С. и В. С. от 28 сентября 2009 г. составляющих адвокатскую тайну сведений о том, что причиной для прекращения оказания юридических услуг компании «Д.» и г-ну А. П. по судебным делам, ведущимся в Англии, Франции и России, с 21 сентября 2009 г. явилось длительное разногласие с г-ном А. П. и компанией «Д.» по поводу их неспособности оплачивать гонорары адвокатов по данному делу, что адвокаты выполнили все юридические услуги, которые были изначально оговорены, но компания «Д.» и г-н П. не оплатили их полностью, что адвокаты произвели некоторые инвестиции в компанию «Д.» в течение работы над этим делом, однако компания «Д.» по причине своего бедственного финансового положения отказалась возвращать им данный долг;

— о необходимости прекращения дисциплинарного производства в отношении адвоката К. вследствие истечения сроков применения мер дисциплинарной ответственности в части претензий в разглашении составляющих адвокатскую тайну сведений о том, что компания «Д.» подписала соглашение с компанией «С. И. Лимитед», которая обладает исключительным правом, предоставленным компанией «Д.», на проведение переговоров с компанией «Б. Г. SA.» по всем сделкам или урегулированию споров, которые могут

возникнуть или могут быть следствием вышеуказанных судебных процессов в Англии и Франции, что компания «Д.» не вправе расторгнуть этот договор без предварительного согласия на это со стороны компании «С. И. Лимитед», что компания «С. И. Лимитед» уполномочила г-на К. оказывать данные услуги от ее имени.

Совет согласился с мнением Квалификационной комиссии. Адвокату К. объявлено предупреждение.

2. Квалификационная комиссия отмечает, что в своей речи, как письменной, так и устной, адвокаты обязаны придерживаться норм деловой (юридической) лексики, осуществляя тщательный отбор слов в соответствии с их значением (семантикой), и уходить от оборотов, употребляемых на бытовом уровне, особенно если это касается личностных характеристик участников судебного разбирательства.

...Федеральный судья Ч. районного суда г. Москвы Б. обратилась в Адвокатскую палату г. Москвы с сообщением от 6 августа 2010 г. (вх. № 2543 от 11.08.2010), указав, что в процессе всего судебного разбирательства адвокат К. нарушала нормы Уголовно-процессуального кодекса РФ, Федерального закона от 31 мая 2002 г. № 63-ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», Кодекса профессиональной этики адвоката. Так, согласно п. 7 ч. 1 ст. 9 Кодекса профессиональной этики адвоката адвокат не вправе в процессе судебного разбирательства дела допускать высказывания, умаляющие честь и достоинство иных участников разбирательства...; согласно ст. 12 данного Кодекса, участвуя или присутствуя на судопроизводстве... адвокат должен соблюдать нормы соответствующего процессуального законодательства, проявлять уважение к суду и другим участникам процесса... Возражая против действий судей и других участников процесса, адвокат должен делать это в корректной форме и в соответствии с законом; согласно п. 1 ст. 15 адвокат строит свои отношения с другими адвокатами на основе взаимного уважения и соблюдения их профессиональных прав. Согласно нормам уголовно-процессуального законодательства задавать наводящие вопросы при допросе обвиняемого, потерпевшего, свидетеля запрещено. Указанные положения нормативно-правовых актов на протяжении всего периода судебного разбирательства неоднократно и грубо нарушались адвокатом К.

Обзор дисциплинарной практики

Заявитель считает, что из материалов дела, в частности, протоколов судебных заседаний, усматривается следующее.

1. Адвокат К., игнорируя постоянные замечания председательствующего и снятие последним ее вопросов в связи с их некорректностью, полной неотносимостью к уголовному делу, а также содержанием в самих вопросах желаемого для защиты ответа свидетеля, в каждом судебном заседании продолжала задавать такие вопросы, формулировки которых не могут быть признаны корректными по отношению к другим участникам процесса; содержащие в себе ответы, причем сформулированные так, что не позволяли свидетелю дать на вопрос иной ответ, чем желала защитник. Более того, при ответах свидетелей на вопрос защитника К. последней повторялись эти ответы свидетеля, по смыслу принципиально отличающиеся от того, что в действительности сообщил свидетель. Данный факт, по мнению заявителя, подтвержден выписками из протоколов судебных заседаний.

2. Адвокат К. многократно позволяла себе высказывания в адрес председательствующего и иных участников процесса, которые являются некорректными по форме и не имеют под собой никаких объективных обоснований, основаны исключительно на субъективных домыслах защитника К. Данные высказывания защитника К. подтверждены выписками из протоколов судебных заседаний.

3. Адвокат К. многократно осуществляла попытки унижить достоинство иных участников процесса, продемонстрировать якобы свое интеллектуальное превосходство. Данные высказывания адвоката К. подтверждены выписками из протоколов судебных заседаний.

4. Адвокат К. явно превышала свои полномочия: являясь защитником обвиняемого Д., высказывала недоверие в адрес защитника подсудимого И. — Р., ставила под сомнение его компетенцию и высказывала необоснованные сомнения в том, что защитник законным образом допущен до защиты И. Данные действия адвоката К. подтверждены выписками из протоколов судебных заседаний.

5. Адвокат К. полностью игнорировала замечания председательствующего в свой адрес, позволяла себе перебивать иных участников процесса, в том числе председательствующего; делала заявления и реплики в тех ситуациях, когда слово председательствующим защитнику не предоставлялось.

Обзор дисциплинарной практики

6. Адвокат К. многократно, игнорируя замечания председательствующего, навязывала свое индивидуальное субъективное видение ведения процесса, постоянно указывала секретарю судебного заседания, что именно она должна внести в протокол судебного заседания, вопреки порядку судопроизводства задавала вопросы председательствующему, без обсуждения и принятия судом решения об изменении порядка исследования доказательств настаивала, чтобы установленный порядок исследования доказательств был изменен. Данные высказывания адвоката К. подтверждены выписками из протоколов судебных заседаний.

7. Адвокат К. постоянно на протяжении всего судебного разбирательства выражала недоверие суду и предпринимала попытки контроля действий суда при выполнении судом функций, нерегламентированных УПК РФ, как то: способа направления запросов (требовала выписки из реестра экспедиции о порядке вызова свидетелей в судебное заседание и т.п.); также предпринимала попытки «экзаменовать» свидетелей на знание ими ведомственных и т.п. инструкций; высказывала сомнения в их профессиональной компетентности, также как и в компетентности суда; огульно обвиняла суд и иные правоохранительные органы в коррумпированности. Данные высказывания адвоката К. подтверждены выписками из протоколов судебных заседаний.

Заявитель просит возбудить в отношении адвоката К. дисциплинарное производство и в случае установления нарушений закона и иных нормативно-правовых актов принять соответствующее закону решение.

...Разбирательство в квалификационной комиссии адвокатской палаты субъекта Российской Федерации осуществляется на основе принципов состязательности и равенства участников дисциплинарного производства (п. 1 ст. 23 Кодекса профессиональной этики адвоката), в связи с чем квалификационная комиссия не вправе оценивать некие абстрактные поступки адвоката К., якобы совершенные ею во время осуществления защиты подсудимого Д. в суде первой инстанции.

Обвиняя адвоката К. в ненадлежащем поведении в судебном заседании, заявитель был обязан указать конкретные факты такого поведения (дата, часть судебного заседания, суть нарушения и т.д.).

Квалификационная комиссия отмечает, что конкретность обвинения является общеправовым принципом и необходимой пред-

Обзор дисциплинарной практики

посылкой реализации лицом, против которого выдвинуто обвинение, права на защиту. Уклонение стороны дисциплинарного производства, требующей привлечения адвоката к дисциплинарной ответственности, от конкретизации обвинения обязывает правоприменяющий орган толковать все сомнения в пользу лица, против которого выдвинуто обвинение в ненадлежащем поведении (то есть в пользу адвоката).

Не указывая в сообщении, в чем именно выразились действия (бездействие) адвоката К., нарушившие требования законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре и (или) Кодекса профессиональной этики адвоката, заявитель приложила к сообщению выписки из протоколов судебных заседаний по уголовному делу № 1-420/2010 от 21 и 25 июня 2010 г. и 1, 6, 7, 12, 14, 16, 22 и 27 июля 2010 г., содержащие описание отдельных действий, совершавшихся адвокатом (защитником) К. в судебных заседаниях.

Квалификационная комиссия ознакомилась с предоставленными заявителем выписками из протоколов судебных заседаний и оценила действия адвоката К., отраженные в упомянутом документе, на предмет их соответствия нормам законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре.

Так, из протокола судебного заседания от 21.06.2010 г. следует, что адвокат К. в корректной форме путем постановки вопросов выясняла у свидетеля Б. обстоятельства, имеющие, по мнению защитника, отношение к предмету доказывания по уголовному делу либо необходимые для объективной оценки показаний свидетеля (например: «Вы можете назвать кого-либо, кто может подтвердить достоверность Ваших показаний в части того, что в указанное время Вы находились на месте происшествия? Как Вы объясните эти противоречия в Ваших показаниях? И т.д.). Поскольку, по мнению адвоката К., суд и представитель государственного обвинения в судебном заседании 21 июня 2010 г. оказывали давление на свидетеля А., адвокат К. делала соответствующие процессуальные заявления, отстаивала свою процессуальную позицию — обосновывала свой вывод о том, что свидетель изменил свои показания после приглашения его к столу председательствующего, где между свидетелем А. и председательствующим состоялся разговор, содержание которого присутствующие в зале судебного заседания, в том числе защитник К., не слышали.

Обзор дисциплинарной практики

В судебном заседании 26 июня 2010 г. адвокат К. путем постановки вопросов выясняла у свидетеля Л. подробности продажи им молотков. В этом же судебном заседании решался вопрос об оглашении показаний свидетеля П., данных им в ходе предварительного следствия, в связи с тем, что на момент рассмотрения дела судом свидетель П. умер. Защитник К. возражала против оглашения показаний свидетеля П. из-за возникших у нее сомнений в допустимости такого доказательства как справка из С.-П. отделения ЗАГС по Московской области, поскольку адвокату было неясно, как и на каком основании этот документ попал в суд. Высказывая свое мнение относительно «новых документов», появившихся в материалах уголовного дела, и делая попытку выяснить, на каком основании была запрошена и получена справка ЗАГС, адвокат К. воспользовалась правами, предоставленными ей как защитнику ст. 248 УПК РФ, которой установлено, что защитник подсудимого участвует в исследовании доказательств, заявляет ходатайства, излагает суду свое мнение по существу обвинения и его доказанности, об обстоятельствах, смягчающих наказание подсудимого или оправдывающих его, о мере наказания, а также по другим вопросам, возникающим в ходе судебного разбирательства.

Судебное заседание 1 июля 2010 г. в основном было посвящено выяснению обстоятельств того, было ли оказано давление сотрудниками милиции на подсудимого М. и было ли нарушено в процессе предварительного следствия право на защиту подсудимого Д.; также адвокатом К. были заданы вопросы ее подзащитному Д.

Выписка из протокола судебного заседания от 6 июля 2010 г. отражает фрагменты показаний оперативного сотрудника П. и следователя В., допрошенных в качестве свидетелей. Ознакомившись с отраженным в выписке из протокола судебного заседания ходом судебного разбирательства, Квалификационная комиссия установила, что в период рассмотрения дела защита пыталась активно способствовать суду в собирании доказательств и их исследовании. Указанный документ свидетельствует о том, что сложность дела, особенности представленных стороной обвинения доказательств и иные обстоятельства предопределили то, что судебное заседание проходило в достаточно напряженной, эмоционально насыщенной обстановке. Совершенно естественно, что при осуществлении защиты адвокат К. подвергла острой критике позицию стороны обвинения. При этом сторона защиты свободна в

Обзор дисциплинарной практики

выборе тактики допроса, а также в решении вопроса о том, в какой момент проводящегося ею допроса будет тактически правильно заявить то или иное ходатайство. УПК РФ не запрещает участнику судебного разбирательства, в том числе защитнику, заявлять ходатайства в любой момент судебного следствия, при этом председательствующий также не лишен права рассмотреть ходатайство незамедлительно либо отложить рассмотрение ходатайства до окончания начатого (проводящегося) допроса.

В судебном заседании 7 июля 2010 г. адвокатом К. был заявлен отвод председательствующему, поскольку она посчитала, что запрос суда от 22 июня 2010 г. был направлен с нарушением Инструкции по судебному делопроизводству в Верховных судах республик, краевых и областных судах, судах городов федерального значения, судах автономной области и автономных округов (в редакции Приказа Судебного департамента при Верховном суде РФ от 8.11.2005 г. № 140); кроме того, суд, по мнению адвоката К., необоснованно снял множество ее вопросов, связанных с выяснением юридически значимых обстоятельств по делу.

Уголовное судопроизводство осуществляется на основе состязательности сторон. Суд не является органом уголовного преследования, не выступает на стороне обвинения или стороне защиты. Суд создает необходимые условия для исполнения сторонами их процессуальных обязанностей и осуществления предоставленных им прав (ч. 1,3 ст. 15 УПК РФ).

Председательствующий руководит судебным заседанием, принимает все предусмотренные УПК РФ меры по обеспечению состязательности и равноправия сторон, обеспечивает соблюдение распорядка судебного заседания, разъясняет всем участникам судебного разбирательства их права и обязанности, порядок их осуществления, а также знакомит с регламентом судебного заседания, установленным статьей 257 УПК РФ.

Квалификационная комиссия неоднократно обращала внимание в своих заключениях на то, что уголовно-процессуальным законом РФ предусмотрено право участников процесса заявлять отводы, в частности и суду, а также подавать свои возражения на действия председательствующего. Указанные права, предоставленные участникам процесса при рассмотрении уголовных дел в судах, не могут рассматриваться как давление на суд, так как являются правами участников процесса, предоставленными им уголовно-

Обзор дисциплинарной практики

процессуальным законом, в частности ст. 53 и ст. 243 УПК РФ. Проявление участником судебного разбирательства настойчивости в отстаивании своей позиции (неоднократные заявления однотипных ходатайств, повторная постановка допрашиваемым лицам повторных вопросов, отклоненных председательствующим, и т.п.) не может рассматриваться ни как нарушение порядка в судебном заседании, ни тем более как действия, умаляющие авторитет судебной власти (см. «Вестник Адвокатской палаты г. Москвы». 2006. № 2-3(28-29). С. 66-71).

Выписки из протоколов судебных заседаний 12, 14, 16 и 22 июля 2010 г. свидетельствуют о том, что в перечисленных судебных заседаниях обсуждались многочисленные процессуальные вопросы, а именно: порядок оформления выдаваемых судом защитнику копий протоколов судебных заседаний, сбор доказательств по делу, основания отказа суда в возвращении дела прокурору, порядок исследования доказательств по делу, допуск к участию в деле нового защитника подсудимого И. и т.д. Давая оценку указанным материалам дисциплинарного производства, Квалификационная комиссия отмечает, что в отстаивании интересов доверителя адвокат может проявлять не всегда устраивающую суд активность — заявлять многочисленные ходатайства, возражения на действия председательствующего и т.д., однако это не может свидетельствовать о нарушении адвокатом норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре и (или) Кодекса профессиональной этики адвоката, поскольку такие способы реализации адвокатом-защитником своих процессуальных прав предусмотрены уголовно-процессуальным законодательством (ст. 53, 243 ч. 3, 248 и др. УПК РФ), а адвокат обязан честно, разумно и добросовестно отстаивать права и законные интересы доверителя всеми не запрещенными законодательством Российской Федерации средствами (пп. 1 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации»),

Европейский Суд по правам человека в постановлении по делу П.С. против Нидерландов (жалоба № 39657/98) от 28 октября 2003 г. указал, что пределы допустимой критики в некоторых обстоятельствах могут быть более широкими, когда ее объектами являются должностные лица государства, и правовая оценка сделанных адвокатом заявлений не должна приводить к так называемому «замораживающему эффекту» в отношении исполнения адвокатом

Обзор дисциплинарной практики

своих профессиональных обязанностей и защиты интересов клиентов в будущем (Бюллетень Европейского Суда по правам человека. 2004. № 2).

Относительно содержащихся в сообщении заявителя утверждений о том, что адвокат К. позволяла себе в некорректной форме высказывания в адрес других участников процесса, осуществляла попытки унижить их достоинство, ставила под сомнение компетентность адвоката Р., Квалификационная комиссия отмечает, что в рамках данного дисциплинарного производства она не вправе проверять на предмет соответствия нормам законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре и (или) Кодекса профессиональной этики адвоката суждения или высказывания адвоката К. о иных участниках процесса, поскольку последние, являясь совершеннолетними дееспособными лицами, с жалобами на действия адвоката К. не обращались, свое негативное отношение к суждениям адвоката К. не высказывали, о привлечении адвоката к дисциплинарной ответственности не просили.

Одновременно с вышеизложенными положениями и выводами Квалификационная комиссия отмечает, что установленный в законе запрет на привлечение адвоката к ответственности за выраженное им при осуществлении адвокатской деятельности мнение касается лишь существа этого мнения, но не формы его выражения. Поэтому исходя из доводов заявителя Квалификационная комиссия оценила на предмет соответствия адвокатской этике форму выражения адвокатом К. своих доводов при заявлении ходатайств 14 июля 2010 г. и 22 июля 2010 г. и при выступлении в прениях сторон 27 июля 2010 г.

При анализе и юридической оценке оспариваемой заявителем формы изложения адвокатом К. своих доводов при осуществлении защиты подсудимого Д. Квалификационная комиссия учитывала положения Кодекса профессиональной этики адвоката о том, что:

«При осуществлении профессиональной деятельности адвокат... придерживается манеры поведения, соответствующей деловому общению» (п. 2 ст. 8);

«Участвуя или присутствуя на судопроизводстве... адвокат должен проявлять уважение к суду...» (ч. 1 ст. 12), «Возражая против действий судей... адвокат должен делать это в корректной форме и в соответствии с законом» (ч. 2 ст. 12).

Обзор дисциплинарной практики

По мнению Квалификационной комиссии, адвокатом К. были допущены нарушения п. 2 ст. 8 и ст. 12 Кодекса профессиональной этики адвоката в нижеизложенных случаях.

Так, оценивая стиль ведения дела председательствующим, адвокат К. в судебном заседании 14 июля 2010 г. произносит фразу: «Есть основания полагать, что судья Б. находится в эмоциональной зависимости от судьи М...». Выступая в прениях сторон 27 июля 2010 г., адвокат К. включает в защитительную речь следующее суждение о незаконности действий председательствующего: «Продемонстрировав непроцессуальные личные доверительные отношения с сотрудниками МУРа, вызвавшие догадки о близких или семейных отношениях судьи Б. с сотрудниками МУРа, судья Б. также должна была написать заявление об отставке или взять самоотвод, чтобы не нарушать конституционные права подсудимых на независимый и объективный суд».

Оценив содержащиеся в устных выступлениях адвоката К. суждения, содержащие личностные характеристики председательствующего, такие как нахождение судьи Б. «...в эмоциональной зависимости от судьи М. ...» и «...непроцессуальные личные доверительные отношения с сотрудниками МУРа, вызвавшие догадки о близких или семейных отношениях судьи Б. с сотрудниками МУРа...», Квалификационная комиссия отмечает, что словесные обороты близки к бытовому общению, в то время как судебная речь призвана оказать целенаправленное и эффективное воздействие на суд. Статус адвоката слишком высок и ответственен, и его язык является показателем уровня его культуры. Поэтому в своей речи, как письменной, так и устной, адвокаты просто обязаны придерживаться норм деловой (юридической) лексики, осуществляя тщательный отбор слов в соответствии с их значением (семантикой) и уходя от оборотов, присущих бытовому уровню, особенно если это касается личностных характеристик участников судебного разбирательства.

Таким образом, придав своим суждениям «...в эмоциональной зависимости от судьи М. ...» и «...непроцессуальные личные доверительные отношения с сотрудниками МУРа, вызвавшие догадки о близких или семейных отношениях судьи Б. с сотрудниками МУРа...» ненадлежащую форму изложения, адвокат К. нарушила п. 2 ст. 8 Кодекса профессиональной этики адвоката, согласно которому «при осуществлении профессиональной деятельности адво-

Обзор дисциплинарной практики

кат... придерживается манеры поведения, соответствующей деловому общению».

Используя в своем суждении о действиях председательствующего (выдержка из протокола судебного заседания от 22 июля 2010 г.) фразу «...и превращаясь из органа правосудия в орган, фактически скоррумпированный с уголовным розыском...», адвокат К. тем самым нарушила положения ст. 12 Кодекса профессиональной этики адвоката, которая предусматривает, что «Участвуя или присутствуя на судопроизводстве... адвокат должен... проявлять уважение к суду... Возражая против действий судей... адвокат должен делать это в корректной форме и в соответствии с законом». Слова «коррумпированный» и «коррупция» в русском языке имеют негативный смысл и употребляются в значении:

— коррумпированный — проникнутый коррупцией;

— коррупция — моральное разложение должностных лиц и политиков, выражающееся в незаконном обогащении, взяточничестве, хищении и срастании с мафиозными структурами (*Ожегов С.И., Шведова Н.Ю.* Толковый словарь русского языка. Изд-во «Азъ», 1992).

Соответственно, утверждение о превращении суда из органа правосудия в орган, фактически скоррумпированный с уголовным розыском, эквивалентно утверждению о безнравственности и непорядочности. Квалификационная комиссия считает, что адвокат К. не имела права публично, в том числе в присутствии лиц, находящихся в зале судебного заседания, давать оценку действиям председательствующего с использованием подчеркнуто негативной лексики («скоррумпированный»); кроме того, Комиссия считает, что указанное суждение вообще является заведомо лишним, не относимым к рассматриваемому делу.

Одновременно Квалификационная комиссия обращает внимание адвоката К. на тот общеизвестный факт, что русский язык, по образному выражению И.С. Тургенева, «велик и могуч», содержит достаточное количество средств (синонимичные ряды и др.), позволяющих адвокату избегать в своей речи слов и словосочетаний, обоснованность использования которых в конкретном случае может вызвать недопонимание и претензии со стороны других участников судопроизводства.

На основании изложенного Квалификационная комиссия Адвокатской палаты г. Москвы, руководствуясь п. 7 ст. 33 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской

Обзор дисциплинарной практики

Федерации» и пп. 1 п. 9 ст. 23 Кодекса профессиональной этики адвоката, единогласно выносит заключение:

— о нарушении адвокатом К. п. 2 ст. 8 Кодекса профессиональной этики адвоката, что выразилось в использовании ею в ходе судебного разбирательства дела ее подзащитного Д. Ч. районным судом г. Москвы для публичной оценки действий председательствующего по делу федерального судьи Б. высказываний «...в эмоциональной зависимости от судьи М. ...» и «...непроцессуальные личные доверительные отношения с сотрудниками МУРа, вызвавшие догадки о близких или семейных отношениях судьи Б. с сотрудниками МУРа...»;

— о нарушении адвокатом К. ст. 12 Кодекса профессиональной этики адвоката, что выразилось в использовании ею в ходе судебного разбирательства дела ее подзащитного Д. Ч. районным судом г. Москвы для публичной оценки действий председательствующего по делу федерального судьи Б. высказывания «...и превращаясь из органа правосудия в орган, фактически скоррумпированный с уголовным розыском...».

Совет согласился с мнением Квалификационной комиссии и вынес адвокату К. взыскание в форме предупреждения.

3. ...Адвокат не представил убедительных доказательств, опровергающих доводы заявителя и подтверждающих выполнение им принятых обязательств по договору об оказании юридической помощи.

...В жалобе, адресованной в Адвокатскую палату г. Москвы, Т.-З. сообщает следующее.

С адвокатом К. 9 ноября 2009 г. ею было заключено Соглашение № 195 на защиту ее прав и интересов «по наследственному делу, связанному с земельным участком и жилым строением». Адвокат должен был представлять ее интересы в суде, подготовив для этого необходимые юридические документы.

Однако адвокат К. не выполнил принятых на себя по указанному соглашению обязательств. По утверждению заявительницы, адвокат К. опаздывал на судебные заседания, а если и являлся, то со ссылкой на наличие якобы уважительных причин откладывал заседания, что повлияло на затягивание дела.

22 апреля 2010 г. по совету адвоката К. было отозвано из В. городского суда Московской области поданное ранее исковое

Обзор дисциплинарной практики

заявление заявительницы, поскольку, как объяснил адвокат К., «нужно составлять другой иск». Также адвокат К. уверял заявительницу, что в Регистрационную палату им уже направлен документ от Коллегии адвокатов «К.-П.» «с целью предотвратить какие-либо действия со спорным земельным участком». Однако на деле в течение полутора месяцев никакого другого иска адвокат К. не составил и никаких документов в Регистрационную палату за его подписью не поступало. С 22 апреля до конца мая 2010 г. связаться с адвокатом К. было невозможно, так как он постоянно якобы находился в разъездах, и за это время спорный земельный участок был продан ответчиком. Недобросовестное отношение к работе адвоката К. повлекло за собой усложнение дела заявительницы.

26 августа 2010 г. состоялось заседание суда по иску о признании сделки ничтожной. В иске было отказано и, как объяснил заявительнице судья, причиной этого якобы стало неправильное составление искового заявления, «что указывает на некомпетентность адвоката К. поданному вопросу».

На состоявшееся решение адвокат К. обязался написать краткую кассационную жалобу, чтобы не пропустить срока подачи полной кассационной жалобы.

Однако, как утверждает заявительница, представленная заявительнице адвокатом К. в качестве поданной в суд краткая кассационная жалоба, датированная 31 августа 2010 г., в суд не поступала. Заявляя, что такая жалоба была подана, адвокат К. вводил ее в заблуждение. Более того, адвокат совершил подлог. Как утверждает заявительница, входящий номер краткой кассационной жалобы № 4936 от 31.08.2010 г. на самом деле является входящим номером поданного в суд ее ходатайства от 31.03.2010 г. Заявительница считает, что адвокат К. подделал на краткой кассационной жалобе штамп В. городского суда для входящей корреспонденции, чтобы ввести заявительницу в заблуждение и «не пропустить сроки подачи краткой кассационной жалобы на решение суда от 26.08.2010 г.». Кроме того, содержание краткой кассационной жалобы, составленной адвокатом К., «включает в себя неправдоподобные факты».

Полагая, что действия адвоката К. противоречат положениям ст. 5 Кодекса профессиональной этики адвоката, в соответствии с которыми адвокат должен избегать действий, направленных к подрыву доверия, заявительница просит применить к адвокату К. меры

Обзор дисциплинарной практики

дисциплинарной ответственности, предусмотренные законодательством об адвокатской деятельности и адвокатуре и Кодексом профессиональной этики адвоката.

...Выслушав объяснения заявителя Т.-З., исследовав материалы дисциплинарного производства и проголосовав именными бюллетенями, Квалификационная комиссия единогласно пришла к следующему заключению.

В соответствии с и. 1 ч. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» адвокат обязан честно, разумно и добросовестно отстаивать права и законные интересы доверителя всеми не запрещенными законодательством Российской Федерации средствами.

В соответствии с п. 1 ст. 8 Кодекса профессиональной этики адвоката при осуществлении профессиональной деятельности адвокат честно, разумно, добросовестно, квалифицированно, принципиально и своевременно исполняет свои обязанности, активно защищает права, свободы и интересы доверителей всеми не запрещенными законодательством средствами, руководствуясь Конституцией Российской Федерации, законом и настоящим Кодексом.

На основании ст. 23 Кодекса профессиональной этики адвоката разбирательство в квалификационной комиссии адвокатской палаты субъекта Российской Федерации осуществляется устно, на основе принципов состязательности и равенства участников дисциплинарного производства.

Квалификационная комиссия должна дать заключение по возбужденному дисциплинарному производству в том заседании, в котором состоялось разбирательство по существу, на основании непосредственного исследования доказательств, представленных участниками производства до начала разбирательства, выслушивания их объяснений.

Исследовав и оценив объяснения заявительницы Т.-З., письменные объяснения адвоката К. и материалы дисциплинарного производства. Квалификационная комиссия приходит к следующему.

Претензии заявительницы к адвокату в части его неявок в судебные заседания по гражданскому делу и заявления якобы необоснованных ходатайств об отложении дела слушанием Комиссия считает недоказанными. Обязанность доказывания совершения адвокатом такого рода нарушений лежала на заявительнице, однако

Обзор дисциплинарной практики

копий соответствующих протоколов судебного заседания ею не представлено. В отсутствие же данных доказательств судить о степени обоснованности претензий заявительницы к адвокату невозможно.

Квалификационная комиссия не имеет возможности высказать свое суждение и по поводу претензий заявительницы в том отношении, что адвокат якобы избрал неверную тактику ведения гражданского дела, посоветовав ей отозвать одно исковое заявление и подать другое. Тактика ведения адвокатом гражданского или уголовного дела не регулируется законодательством об адвокатской деятельности и адвокатуре и Кодексом профессиональной этики адвоката, а определяется конкретными обстоятельствами соответствующего дела, и обсуждать данный вопрос Комиссия не компетентна.

В то же время Квалификационная комиссия констатирует в действиях адвоката К. наличие дисциплинарного проступка, выражающегося в следующем.

Из представленной заявительницей копии Соглашения № 185 от 9 ноября 2009 г. следует, что адвокат К. принял на себя обязательства по представлению интересов Т.-З. (до изменения фамилии — С.) в В. суде Московской области с обжалованием всех судебных решений и участием в судах кассационной инстанции. Плата за ведение дела была определена сторонами в размере 75 000 рублей.

Заявительница обвиняет адвоката в том, что он обманул ее в том отношении, что якобы подал в В. городской суд Московской области необходимую для защиты ее интересов краткую кассационную жалобу. На самом же деле такой жалобы адвокатом не подавалось, а имеющийся на жалобе штамп подделан.

Из представленного заявительницей письма от 14.09.10 г. № 13688 за подписью председателя В. городского суда Московской области Б. следует, что за номером входящей корреспонденции суда 4936 краткой кассационной жалобы от имени К. или Т.-З. (до изменения фамилии — С.) не числится. Копия свидетельства об изменении имени заявительницей представлена.

За указанным номером входящей корреспонденции зарегистрировано ходатайство об отложении дела от имени С.

В период с 26.08.2010 г. по 14.09.2010 г. краткой кассационной жалобы на решение суда от 26.08.2010 г. от К. в суд не поступало.

Обзор дисциплинарной практики

Из объяснений адвоката К. по данному эпизоду следует, что он действительно составлял упомянутый процессуальный документ и в его адвокатском досье по гражданскому делу имеется его копия с исходящим номером № 158 Коллегии адвокатов «К.-П.» и датой 31 августа 2010 г., «на которой отсутствуют какие-либо штампы и печати. Все оригиналы документов по краткой жалобе, по настоянию Т.-З., выдавались ей на руки, и последняя сама, никому не доверяя, якобы возила их в В. городской суд МО».

С первой частью этих объяснений адвоката К. Комиссия может согласиться, однако они не в состоянии опровергнуть соответствующие претензии заявительницы и приводимые в их обоснование доводы. Наличие в адвокатском досье копии процессуального документа, «на которой отсутствуют какие-либо штампы и печати», ровным счетом ни о чем не говорит. Штамп входящей корреспонденции суда или иного учреждения проставляется на единственной копии документа в подтверждение того, что соответствующий документ в учреждение поступил. В данном случае эта копия документа находится у заявительницы. Указанная копия обозревалась в заседании Квалификационной комиссии, и результаты этого осмотра отражены в протоколе заседания Комиссии и в настоящем заключении.

Квалификационная комиссия находит убедительными и пояснения заявительницы Т.-З. по поводу обстоятельств, при которых у нее появился экземпляр краткой кассационной жалобы с личной подписью адвоката К.

Достаточно убедительны пояснения заявительницы и в том отношении, что поскольку за входящим номером В. городского суда «4936» числится ходатайство об отложении дела от имени С. от 31.03.2010 г., то цифра «8» в обозначении месяца, в котором было подано это ходатайство, появилась в результате исправления имевшейся в подлинном документе цифры «3». В результате появилась фальсифицированная дата «31.08.2010 г.» После этого штамп входящей корреспонденции В. городского суда с номером «4936» и фальсифицированной датой «31.08.2010 г.» был тем или иным способом скопирован (скорее всего — отсканирован) с ходатайства от имени С. и воспроизведен на краткой кассационной жалобе.

Что же касается объяснений адвоката К. в том отношении, что ни им, ни его сотрудниками краткой кассационной жалобы не подавалось, поскольку «Все оригиналы документов по краткой

Обзор дисциплинарной практики

жалобе, по настоянию Т.-З., выдавались ей на руки, и последняя сама, никому не доверяя, якобы возила их в В. городской суд МО», то они Квалификационной комиссией отвергаются как надуманные, нелогичные и необъяснимые. Эти объяснения в полной мере опровергаются объяснениями Т.-З., письмом В. городского суда, а также копией краткой кассационной жалобы с фальсифицированным штампом входящей корреспонденции. Исходя из содержания имеющейся на штампе информации краткая жалоба якобы была сдана в суд 31.08.2010 г. и зарегистрирована под номером «4936», чего на самом деле не было.

Квалификационная комиссия Адвокатской палаты г. Москвы, руководствуясь пп. 4 п. 1 ст. 7, пп. 2 п. 2 ст. 17, п. 7 ст. 33 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», ст. 8, п. 1 ст. 18 и пп. 1 п. 9 ст. 23 Кодекса профессиональной этики адвоката, по результатам рассмотрения жалобы Т.-З. выносит заключение о наличии в действиях (бездействии) адвоката К. нарушения п. 1 ч. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» и п. 1 ст. 8 Кодекса профессиональной этики адвоката, выразившегося в том, что, приняв на себя в соответствии с Соглашением № 185 от 9 ноября 2009 г. представление интересов С. (после изменения фамилии — Т.-З.) в В. городском суде Московской области с обжалованием всех судебных решений и участием в судах кассационной инстанции, адвокат К. заверил доверительницу, что им подана краткая кассационная жалоба на решение В. городского суда от 26 августа 2010 г. В подтверждение своих слов адвокат выдал доверительнице копию названного документа, датированного 31.08.2010 г. и якобы зарегистрированного в В. суде под номером «4936».

Фактически же такого документа в суд не поступало, а штамп входящей корреспонденции В. городского суда с номером «4936» и датой «31.08.2010 г.» оказался поддельным. В связи с указанными обстоятельствами доверительница была вынуждена подать краткую кассационную жалобу от собственного имени.

Совет согласился с заключением Квалификационной комиссии и вынес решение о прекращении статуса адвоката К.

СУДЕБНАЯ ПРАКТИКА

КОНСТИТУЦИОННЫЙ СУД РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

ПОСТАНОВЛЕНИЕ

от 29 ноября 2010 г. № 20-П

Именем Российской Федерации

По делу о проверке конституционности положений статей 20 и 21 Федерального закона «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений» в связи с жалобами граждан Д. Р. Барановского, Ю. Н. Волохонского и И. В. Плотникова

Конституционный Суд Российской Федерации в составе председательствующего — судьи Н.В. Мельникова, судей Ю.М. Данилова, В.Д. Зорькина, Л.М. Жарковой, Г.А. Жилина, С.М. Казанцева, М.И. Клеандрова, А.Н. Кокотова, Н.В. Селезнева,

с участием гражданина И.В. Плотникова, представителя гражданина Д.Р. Барановского — адвоката О.А. Писарева, представителя гражданина Ю.Н. Волохонского — адвоката М.А. Хырхырьяна, постоянного представителя Государственной Думы в Конституционном Суде Российской Федерации А.Н. Харитонов, полномочного представителя Совета Федерации в Конституционном Суде Российской Федерации А.И. Александрова,

руководствуясь статьей 125 (часть 4) Конституции Российской Федерации, пунктом 3 части первой, частями третьей и четвертой статьи 3, пунктом 3 части второй статьи 22, статьями 36, 74, 86, 96, 97 и 99 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации»,

Судебная практика

рассмотрел в открытом заседании дело о проверке конституционности положений статей 20 и 21 Федерального закона «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений».

Поводом к рассмотрению дела явились жалобы граждан Д.Р. Барановского, Ю.Н. Волохонского и И.В. Плотникова. Основанием к рассмотрению дела явилась обнаружившаяся неопределенность в вопросе о том, соответствуют ли Конституции Российской Федерации оспариваемые заявителями законоположения.

Поскольку все жалобы касаются одного и того же предмета, Конституционный Суд Российской Федерации, руководствуясь статьей 48 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации», соединил дела по этим жалобам в одном производстве.

Заслушав сообщение судьи-докладчика Ю.М. Данилова, объяснения представителей сторон, выступления приглашенных в заседание представителей: от Министерства юстиции Российской Федерации — В.В. Карпова, от Генерального прокурора Российской Федерации — Т.А. Васильевой, исследовав представленные документы и иные материалы, Конституционный Суд Российской Федерации

УСТАНОВИЛ:

1. В соответствии с Федеральным законом от 15 июля 1995 г. № ЮЗ-ФЗ «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений» подозреваемым и обвиняемым в совершении преступлений, в отношении которых избрана мера пресечения в виде заключения под стражу, разрешается вести переписку с родственниками и иными лицами без ограничения числа получаемых и отправляемых телеграмм и писем; переписка подозреваемых и обвиняемых осуществляется только через администрацию места содержания под стражей и подвергается цензуре; цензура осуществляется администрацией места содержания под стражей, а в случае необходимости лицом или органом, в производстве которых находится уголовное дело (части первая и вторая статьи 20); предложения, заявления и жалобы подозреваемых и обвиняемых, адресованные прокурору, в суд или иные органы государственной власти, которые имеют право контроля за местами содержания под стражей подозреваемых и обвиняемых, Уполно-

моченному по правам человека в Российской Федерации, уполномоченным по правам человека в субъектах Российской Федерации, в Европейский Суд по правам человека, цензуре не подлежат и не позднее следующего за днем подачи предложения, заявления или жалобы рабочего дня направляются адресату в запечатанном пакете; предложения, заявления и жалобы, адресованные в другие органы государственной власти, общественные объединения, а также защитнику, должны быть рассмотрены администрацией места содержания под стражей и направлены по принадлежности не позднее трех дней с момента их подачи (части вторая и третья статьи 21).

1.1. Лефортовский районный суд г. Москвы, отказывая в удовлетворении заявления гражданина Д.Р. Барановского, обвиняемого в совершении преступления, об оспаривании действий сотрудников администрации следственного изолятора, выразившихся в изъятии листа бумаги с рукописным текстом, содержащим замечания по расследуемому в отношении заявителя уголовному делу, который был передан им адвокату в ходе свидания в следственном изоляторе, сослался на статью 20 Федерального закона «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений» как не допускающую переписки обвиняемого, в отношении которого избрана мера пресечения в виде заключения под стражу, без осуществления цензуры.

Исходя из этой же нормы, администрация следственного изолятора не согласилась с доводами содержавшегося под стражей гражданина Ю.Н. Волохонского — обвиняемого по уголовному делу и его защитника — адвоката И.В. Плотникова относительно необходимости не подвергать цензуре их переписку, поскольку в ней содержатся сведения, составляющие адвокатскую тайну, и отказала в удовлетворении их письменных ходатайств об обеспечении в отношении этой переписки порядка направления и получения корреспонденции, который предусмотрен частью второй статьи 21 данного Федерального закона. Кроме того, проверками, проведенными прокуратурой Ростовской области и Федеральной службой исполнения наказаний, действия сотрудников администрации следственного изолятора, которые пресекли попытку И.В. Плотникова передать в ходе свидания составленный им документ Ю.Н. Волохонскому для получения подписи, были признаны соответствующими требованиям Федерального закона «О содержа-

нии под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений».

1.2. Как утверждают заявители, статьи 20 и 21 Федерального закона «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений», позволяя администрации места содержания под стражей подвергать цензуре переписку обвиняемого в совершении преступления со свободно избранным им адвокатом (защитником), ограничивают права, гарантированные статьями 46 и 48 Конституции Российской Федерации, поскольку лишают обвиняемого возможности получить квалифицированную юридическую помощь, а защитника — предоставить таковую, и противоречат статьям 6 и 8 Конвенции о защите прав человека и основных свобод в их понимании Европейским Судом по правам человека. Кроме того, установленный оспариваемыми законоположениями порядок переписки между обвиняемым и адвокатом (защитником) является, по мнению заявителей, дискриминационным по сравнению с порядком переписки обвиняемого с судом, прокурором, иными органами государственной власти, приводит к нарушению гарантированных статьей 23 Конституции Российской Федерации права на тайну переписки и права на тайну частной жизни, а также представляет собой неправомерное отступление от общепризнанных принципов и норм международного права, являющихся составной частью правовой системы Российской Федерации, и тем самым противоречит статьям 15 и 17 Конституции Российской Федерации.

1.3. В соответствии со статьями 74, 96 и 97 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации» Конституционный Суд Российской Федерации по жалобам граждан на нарушение их конституционных прав и свобод законом проверяет конституционность оспариваемых законоположений только в той части, в какой они были применены или подлежат применению в деле заявителя, и принимает решение по делу, оценивая как буквальный смысл этих законоположений, так и смысл, придаваемый им официальным и иным толкованием и сложившейся правоприменительной практикой, а также исходя из их места в системе правовых норм.

Таким образом, предметом рассмотрения Конституционного Суда Российской Федерации по настоящему делу являются нормативные положения статей 20 и 21 Федерального закона «О

содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений» в части, регулирующей осуществление администрацией места содержания под стражей цензуры переписки подозреваемых и обвиняемых, в отношении которых избрана мера пресечения в виде заключения под стражу, со своими адвокатами (защитниками).

2. Согласно статье 48 (часть 2) Конституции Российской Федерации каждый задержанный, заключенный под стражу, обвиняемый в совершении преступления имеет право пользоваться помощью адвоката (защитника) с момента соответственно задержания, заключения под стражу или предъявления обвинения. Данное право, будучи одним из проявлений более общего права, гарантированного каждому статьей 48 (часть 1) Конституции Российской Федерации, — права на получение квалифицированной юридической помощи, служит для этих лиц гарантией осуществления других закрепленных в Конституции Российской Федерации прав — на защиту своих прав и свобод всеми способами, не запрещенными законом (статья 45, часть 2), на судебную защиту (статья 46), на разбирательство дела судом на основе состязательности и равноправия сторон (статья 123, часть 3).

Право на получение квалифицированной юридической помощи и, соответственно, право пользоваться помощью адвоката (защитника) признаются и гарантируются в Российской Федерации согласно общепризнанным принципам и нормам международного права и в соответствии с Конституцией Российской Федерации в числе других прав и свобод человека и гражданина, которые являются непосредственно действующими, определяют смысл, содержание и применение законов, деятельность законодательной и исполнительной власти, обеспечиваются правосудием и признание, соблюдение и защита которых составляют обязанность государства (статьи 1, 2, 17 и 18 Конституции Российской Федерации).

2.1. Необходимой составляющей права пользоваться помощью адвоката (защитника) как одного из основных прав человека, признаваемых международно-правовыми нормами (статья 14 Международного пакта о гражданских и политических правах, статья 6 Конвенции о защите прав человека и основных свобод), является обеспечение конфиденциальности сведений, сообщаемых адвокату его доверителем и подлежащих защите в силу положений Конституции Российской Федерации, которые гарантируют каждому

право на неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну (статья 23, часть 1), запрещают сбор, хранение, использование и распространение информации о частной жизни лица без его согласия (статья 24, часть 1).

Приведенные конституционные положения, равно как и корреспондирующие им положения статьи 17 Международного пакта о гражданских и политических правах и статьи 8 Конвенции о защите прав человека и основных свобод, исключаящие возможность произвольного вмешательства в сферу индивидуальной автономии личности, обязывают государство обеспечить в законодательстве и правоприменении такие условия гражданам для реализации конституционного права на квалифицированную юридическую помощь, а лицам, ее оказывающим, в том числе адвокатам, — для эффективного осуществления их деятельности, при наличии которых гражданин имеет возможность свободно сообщать адвокату сведения, которые он не сообщил бы другим лицам, а адвокат — возможность сохранить конфиденциальность полученной информации (Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 28 января 1997 г. № 2-П, определения Конституционного Суда Российской Федерации от 6 июля 2000 г. № 128-0, от 8 ноября 2005 г. № 439-0 и от 29 мая 2007 г. № 516-0-0).

Обеспечение конфиденциальности информации, сообщаемой клиентом своему адвокату, рассматривается Кодексом поведения для юристов в Европейском сообществе (принят Советом коллегий адвокатов и юридических сообществ Европейского Союза 28 октября 1988 г.) в качестве одного из основных ориентиров и существенных признаков адвокатской деятельности. Требования, обусловленные обязанностью адвокатов и адвокатских образований хранить адвокатскую тайну и обязанностью государства создать для этого надлежащие условия, нашли отражение в Своде принципов защиты всех лиц, подвергаемых задержанию или заключению в какой бы то ни было форме (приняты Генеральной Ассамблеей ООН 9 декабря 1988 г.). Так, согласно принципу 18 задержанному или находящемуся в заключении лицу предоставляется необходимое время и условия для проведения консультаций со своим адвокатом; право задержанного или находящегося в заключении лица на его посещение адвокатом, на консультации и на связь с ним без промедления или цензуры и в условиях полной конфиденциальности не может быть временно отменено или огра-

ничено, кроме исключительных обстоятельств, которые определяются законом или установленными в соответствии с законом правилами, когда, по мнению судебного или иного органа, это необходимо для поддержания безопасности и порядка; свидания задержанного или находящегося в заключении лица с его адвокатом могут иметь место в условиях, позволяющих должностному лицу правоохранительного органа видеть их, но не слышать. Основные принципы, касающиеся роли юристов (приняты восьмым Конгрессом ООН по предупреждению преступности и обращению с правонарушителями 7 сентября 1990 г.), также обязывают правительства признавать и обеспечивать конфиденциальный характер любых консультаций и отношений, складывающихся между юристами и их клиентами в процессе оказания профессиональной юридической помощи.

Отступление от указанных требований, в полной мере распространяющихся на отношения адвоката с подозреваемыми и обвиняемыми по уголовному делу, в отношении которых избрана мера пресечения в виде заключения под стражу, создавало бы предпосылки для неправомерного ограничения права на получение квалифицированной юридической помощи, искажения самого существа права на защиту, а также — в нарушение статей 24 (часть 1) и 51 (часть 1) Конституции Российской Федерации — для использования информации, конфиденциально доверенной лицом в целях собственной защиты только адвокату, вопреки воле этого лица в иных целях, в том числе как его свидетельствование против себя самого. Более того, поскольку само по себе заключение лица под стражу, как наиболее строгая мера пресечения, в максимальных пределах ограничивает его права, свободы и личную неприкосновенность, гарантии предоставления ему юридической помощи и обеспечение конфиденциальности сообщаемых им адвокату сведений приобретают особое значение.

2.2. Право заключенного под стражу лица на конфиденциальный характер отношений со своим адвокатом (защитником) как неотъемлемая часть права на получение квалифицированной юридической помощи не является абсолютным, однако его ограничения, сопряженные с отступлениями от адвокатской тайны, как следует из правовых позиций Конституционного Суда Российской Федерации, выраженных в его решениях, в том числе в Постановлении от 14 мая 2003 г. № 8-П и Определении от 8 ноября 2005 г. № 439-0,

Судебная практика

допустимы лишь при условии их адекватности и соразмерности и могут быть оправданы лишь необходимостью обеспечения указанных в статье 55 (часть 3) Конституции Российской Федерации целей защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства.

В силу таких фундаментальных принципов, как верховенство права и юридическое равенство, вмешательство государства в конфиденциальный характер отношений, которые складываются в процессе получения подозреваемыми и обвиняемыми профессиональной юридической помощи адвоката (защитника), не должно быть произвольным и нарушать равновесие между требованиями интересов общества и необходимыми условиями защиты основных прав личности, что предполагает разумную соразмерность между используемыми средствами и преследуемой целью, с тем чтобы обеспечивался баланс конституционно защищаемых ценностей.

При соблюдении указанных условий и учитывая, что заключение под стражу в качестве меры пресечения применяется в целях недопущения преступной деятельности подозреваемого или обвиняемого, его угроз свидетелю, иным участникам уголовного судопроизводства, уничтожения доказательств либо воспрепятствования иным путем производству по уголовному делу, ограничения конфиденциальности отношений такого лица и его адвоката — для достижения этих целей и при наличии соответствующих достаточных оснований — могут рассматриваться в качестве допустимых и выражаться, в частности, в контроле за их перепиской со стороны администрации места содержания под стражей, лиц или органов, в производстве которых находится уголовное дело.

Аналогичной позиции придерживается Европейский Суд по правам человека при толковании применительно к цензуре корреспонденции подозреваемого или обвиняемого, адресованной адвокату, положений статьи 8 Конвенции о защите прав человека и основных свобод, не допускающей ограничение со стороны публичных властей права на уважение личной и семейной жизни граждан, их жилища и корреспонденции, за исключением случаев, когда такое вмешательство предусмотрено законом и необходимо в демократическом обществе в интересах национальной безопасности и общественного порядка, экономического благосостояния страны, в целях предотвращения беспорядков или преступлений,

для охраны здоровья или нравственности или защиты прав и свобод других лиц.

Так, в Постановлении от 25 марта 1992 г. по делу «Кэмпбелл (Campbell) против Соединенного Королевства» отмечается, что такого рода корреспонденция, по общему правилу, защищена «адвокатской привилегией», ее вскрытие допустимо, только если у тюремной администрации есть разумные основания подозревать, что в ней содержится недозволенное вложение; но даже при наличии таких оснований письмо может быть вскрыто только в присутствии самого заключенного, являющегося его автором, но не должно быть прочитано; поскольку сохранение конфиденциальности в отношениях между адвокатом и его клиентом имеет приоритет перед абстрактной возможностью злоупотребления этой конфиденциальностью, чтение таких писем допустимо в исключительных случаях — только если у администрации есть обоснованное подозрение в том, что адвокат злоупотребляет своей привилегией на адвокатскую тайну и что такая переписка ставит под угрозу безопасность в тюрьме или по каким-то иным причинам имеет криминальный характер. В Постановлении от 5 июля 2001 г. по делу «Эрдем (Erdem) против Германии» Европейский Суд по правам человека еще раз подтвердил, что конфиденциальность переписки между заключенным и его защитником является основным правом личности и напрямую затрагивает ее право на защиту и что отступления от этого принципа могут допускаться лишь в исключительных случаях и должны сопровождаться адекватными и достаточными гарантиями против злоупотреблений.

Опираясь на приведенные правовые позиции, Европейский Суд по правам человека в Постановлении от 9 октября 2008 г. по делу «Моисеев против России» указал, что переписка лица, находящегося под стражей, со своим адвокатом независимо от ее цели всегда является привилегированной; чтение писем заключенного, направляемых адвокату или получаемых от него, допустимо в исключительных случаях, когда у властей есть разумные основания предполагать злоупотребление этой привилегией в том смысле, что содержание письма угрожает безопасности пенитенциарного учреждения, безопасности других лиц или носит какой-либо иной преступный характер; практика же ознакомления администрации следственного изолятора со всеми документами, которыми обменивались заявитель и его защита, без обоснования предшествую-

щими злоупотреблениями этой привилегией является избыточным и произвольным посягательством на права защиты.

2.3. Таким образом, в силу предписаний Конституции Российской Федерации, Конвенции о защите прав человека и основных свобод как составной части правовой системы Российской Федерации и основанных на них правовых позиций Конституционного Суда Российской Федерации, а также исходя из международных обязательств Российской Федерации, вытекающих из ее участия в Конвенции о защите прав человека и основных свобод, в том числе с учетом практики Европейского Суда по правам человека применительно к обеспечению права на помощь адвоката (защитника), цензура переписки подозреваемых и обвиняемых, содержащихся под стражей, с избранными ими адвокатами (защитниками) может иметь место лишь в исключительных случаях, при наличии у администрации места содержания под стражей обоснованных подозрений в злоупотреблении правом со стороны адвоката и в злонамеренном его использовании со стороны лица, которому оказывается юридическая помощь.

Соответственно, гарантии конфиденциальности должны распространяться лишь на те отношения подозреваемых и обвиняемых со своими адвокатами (защитниками), которые не выходят за рамки оказания собственно профессиональной юридической помощи в порядке, установленном законом, т.е. не связаны с нарушениями ни со стороны адвоката, ни со стороны его доверителя, который, используя переписку с адвокатом, может угрожать свидетелям, другим участникам уголовного судопроизводства либо иным путем воспрепятствовать производству по уголовному делу. Применительно к таким случаям нормативное регулирование, обеспечивая публичные интересы, должно предусматривать меры противодействия злоупотреблению правом.

Исходя из этого при установлении правового механизма осуществления конституционного права на помощь адвоката (защитника), условий и порядка его реализации, включая обеспечение гарантий конфиденциальности отношений содержащегося под стражей подозреваемого, обвиняемого со своим адвокатом (защитником), федеральный законодатель обязан, не допуская искажения существа данного права, злоупотребления им и введения таких ограничений, которые не согласовывались бы с конституционно значимыми целями, закрепленными в статье 55 (часть 3) Консти-

туции Российской Федерации, находить разумный баланс конституционно защищаемых ценностей, конкурирующих прав и законных интересов.

3. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации, конкретизируя гарантии конституционного права на получение квалифицированной юридической помощи, устанавливает в качестве одного из принципов уголовного судопроизводства обеспечение подозреваемому и обвиняемому права на защиту, которое они могут осуществлять лично либо с помощью защитника и (или) законного представителя (статья 16). Согласно данному Кодексу подозреваемые и обвиняемые вправе пользоваться помощью защитника, т. е. лица, осуществляющего в установленном порядке защиту их прав и интересов и оказывающего им юридическую помощь при производстве по уголовному делу, и иметь свидания с ним наедине и конфиденциально; соответствующими правами с момента допуска к участию в уголовном деле наделен защитник; в качестве защитников допускаются адвокаты (часть четвертая статьи 46, часть четвертая статьи 47, части первая и вторая статьи 49 и часть первая статьи 53).

Федеральный закон от 31 мая 2002 г. № 63-ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» также предусматривает право адвоката при оказании юридической помощи беспрепятственно встречаться со своим доверителем наедине, в условиях, обеспечивающих конфиденциальность (в том числе в период его содержания под стражей), без ограничения числа свиданий и их продолжительности (пункт 3 статьи 6) и закрепляет, что любые сведения, связанные с оказанием адвокатом юридической помощи своему доверителю, являются адвокатской тайной (пункт 1 статьи 8). Формулируя гарантии независимости адвоката, названный Федеральный закон устанавливает, в частности, что вмешательство в адвокатскую деятельность, осуществляемую в соответствии с законодательством, либо препятствование этой деятельности каким бы то ни было образом запрещаются, истребование от адвокатов, а также от работников адвокатских образований, адвокатских палат или Федеральной палаты адвокатов сведений, связанных с оказанием юридической помощи по конкретным делам, не допускается (пункты 1 и 3 статьи 18).

Следовательно, федеральный законодатель, закрепляя в Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации и Федераль-

ном законе «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», т.е. в специальных законах, принятых уже после вступления в силу Федерального закона «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений» (в 2001 г. и 2002 г. соответственно), конфиденциальный характер отношений, складывающихся в процессе оказания адвокатом юридической помощи, исходил из недопустимости осуществления цензуры переписки подозреваемых и обвиняемых, содержащихся под стражей, с избранными ими адвокатами (защитниками) в качестве общего правила.

Такое понимание соответствующих правоотношений, основанное на требованиях Конституции Российской Федерации и Конвенции о защите прав человека и основных свобод, отвечает обязательствам Российской Федерации, вытекающим из признания юрисдикции Европейского Суда по правам человека применительно к реализации подозреваемыми и обвиняемыми, содержащимися под стражей, права на помощь адвоката (защитника), и именно на такое понимание этих правоотношений ориентирует суды Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 10 октября 2003 г. № 5 «О применении судами общей юрисдикции общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров Российской Федерации», обязывающее их действовать в пределах своей компетенции таким образом, чтобы обеспечить выполнение обязательств Российской Федерации как участника Конвенции о защите прав человека и основных свобод.

В судебной практике это подтверждается, в частности, решениями Верховного Суда Российской Федерации от 31 октября 2007 г. и от 16 марта 2009 г., признавшего недействующими соответственно пункт 146 Правил внутреннего распорядка следственных изоляторов уголовно-исполнительной системы (утверждены Приказом Министерства юстиции Российской Федерации от 14 октября 2005 г. № 189) и пункт 141 Правил внутреннего распорядка изоляторов временного содержания подозреваемых и обвиняемых органов внутренних дел (утверждены Приказом Министерства внутренних дел Российской Федерации от 22 ноября 2005 г. № 950) в части, касающейся использования защитником во время свидания с подозреваемым или обвиняемым в следственных изоляторах технических средств связи, компьютеров, кино-, фото-, аудио-

видео- и множительной аппаратуры, а в изоляторах временного содержания — предметов и вещей, не запрещенных законом и необходимых для оказания квалифицированной помощи. Принимая данные решения, Верховный Суд Российской Федерации исходил из положений статей 48 (часть 2), 71 (пункты «в», «о») и 76 (часть 1) Конституции Российской Федерации и основанной на этих положениях правовой позиции Конституционного Суда Российской Федерации, согласно которой все важнейшие элементы права на помощь адвоката (защитника), включая условия и порядок его реализации, должны быть установлены в уголовно-процессуальном законе, а не в ведомственных нормативных актах (Постановление от 25 октября 2001 г. № 14-П). При этом в решении от 16 марта 2009 г. подчеркивается, что как предоставление содержащемуся под стражей обвиняемому (подозреваемому) возможности непосредственного общения со своим защитником, так и предоставление защитнику возможности оказать квалифицированную юридическую помощь обвиняемому (подозреваемому) всеми средствами и способами, не запрещенными законом, являются, по смыслу статьи 48 Конституции Российской Федерации и корреспондирующих ей положений Международного пакта о гражданских и политических правах (подпункт «б» пункта 3 статьи 14) и Конвенции о защите прав человека и основных свобод (подпункты «б», «с» пункта 3 статьи 6), а также конкретизирующих их норм Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (часть первая статьи 16, пункт 11 части первой статьи 53 и пункт 1 части третьей статьи 86), существенными и неотъемлемыми элементами права на помощь адвоката (защитника).

4. Целевое назначение регулирования отношений, возникающих по поводу цензуры корреспонденции обвиняемых и подозреваемых, содержащихся под стражей, как следует из статей 20 и 21 Федерального закона «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений» во взаимосвязи с положениями Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, в том числе частью первой его статьи 97 «Основания для избрания меры пресечения» и статьей 108 «Заключение под стражу», — предотвращение преступлений, разглашения государственной или иной охраняемой законом тайны, передачи сведений, могущих помешать установлению истины по уголовному делу или способствовать совершению преступления, выполненных тай-

нописью, шифром, недопущение угроз свидетелю, другим участникам уголовного судопроизводства, уничтожения доказательств, воспрепятствования иным путем производству по уголовному делу.

Именно и только в этих целях администрация следственного изолятора вправе осуществить цензуру переписки подозреваемого или обвиняемого, в отношении которого избрана мера пресечения в виде заключения под стражу, со своим адвокатом (защитником), при условии, что имеются достаточные и разумные основания предполагать наличие в переписке недозволенных вложений (что проверяется только в присутствии самого этого лица) либо имеется обоснованное подозрение в том, что адвокат злоупотребляет своей привилегией на адвокатскую тайну, что такая переписка ставит под угрозу безопасность следственного изолятора или носит какой-либо иной противоправный характер. В таких случаях администрация следственного изолятора обязана принять мотивированное решение об осуществлении цензуры и письменно зафиксировать ход и результаты соответствующих действий.

Что касается переписки подозреваемых и обвиняемых, содержащихся под стражей, с адвокатами, которая осуществляется с нарушением порядка, установленного названным Федеральным законом и предусматривающего, что любая переписка указанных лиц — как подлежащая, так и не подлежащая цензуре — осуществляется только через администрацию места содержания под стражей, то в случае выявления такого нарушения соответствующая корреспонденция безусловно должна подвергаться цензуре, поскольку ее адресатами (или получателями) могут быть лица, содержащиеся в учреждениях, исполняющих наказания, переписка с которыми осуществляется только с разрешения лица или органа, в производстве которых находится уголовное дело, либо родственники и иные лица, переписка с которыми подлежит цензуре.

5. Таким образом, положения статей 20 и 21 Федерального закона «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений» как элемент установленного действующим правовым регулированием — в рамках реализации статьи 48 Конституции Российской Федерации — порядка оказания адвокатом юридической помощи должны рассматриваться не иначе как допускающие цензуру переписки подозреваемых и обвиняемых, содержащихся под стражей, со своими адвокатами лишь в тех случаях, когда у администрации следственного изолятора есть до-

Судебная практика

статочные и разумные основания предполагать наличие в переписке недозволенных вложений либо имеется обоснованное подозрение в том, что адвокат злоупотребляет своей привилегией на адвокатскую тайну, что такая переписка ставит под угрозу безопасность следственного изолятора или носит какой-либо иной противоправный характер.

Иное понимание указанных законоположений означало бы нарушение требований Конституции Российской Федерации и Конвенции о защите прав человека и основных свобод как составной части правовой системы Российской Федерации, расходилось бы с основанными на этих требованиях правовыми позициями Конституционного Суда Российской Федерации и не соответствовало бы международным обязательствам Российской Федерации, вытекающим из ее участия в Конвенции о защите прав человека и основных свобод, в том числе с учетом практики Европейского Суда по правам человека применительно к обеспечению права на помощь адвоката (защитника).

Исходя из изложенного и руководствуясь частями первой и второй статьи 71, статьями 72, 74, 75, 79 и 100 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации», Конституционный Суд Российской Федерации

ПОСТАНОВИЛ:

1. Признать взаимосвязанные положения статей 20 и 21 Федерального закона «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений», регулирующие осуществление администрацией места содержания под стражей цензуры переписки подозреваемых и обвиняемых, в отношении которых избрана мера пресечения в виде заключения под стражу, со своими адвокатами (защитниками), не противоречащими Конституции Российской Федерации, поскольку, по конституционно-правовому смыслу этих законоположений в системе действующего правового регулирования, цензура переписки лица, заключенного под стражу, со своим адвокатом (защитником) возможна лишь в случаях, когда у администрации следственного изолятора есть разумные основания предполагать наличие в переписке недозволенных вложений (что проверяется только в присутствии самого этого лица) либо имеется обоснованное подозрение в том, что адвокат злоупотребляет своей привилегией на адвокатскую тайну,

Судебная практика

что такая переписка ставит под угрозу безопасность следственного изолятора или носит какой-либо иной противоправный характер; в таких случаях администрация следственного изолятора обязана принять мотивированное решение об осуществлении цензуры и письменно зафиксировать ход и результаты соответствующих действий.

2. В силу статьи 6 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации» выявленный в настоящем Постановлении конституционно-правовой смысл положений статей 20 и 21 Федерального закона «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений» является общеобязательным и исключает любое иное их истолкование в правоприменительной практике.

3. Правоприменительные решения, послужившие поводом для обращения граждан Д.Р. Барановского, Ю.Н. Волохонского и И.В. Плотникова в Конституционный Суд Российской Федерации, если они приняты на основании статей 20 и 21 Федерального закона «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений» в истолковании, расходящемся с их конституционно-правовым смыслом, выявленным в настоящем Постановлении, подлежат пересмотру в установленном порядке при условии, что для этого нет иных препятствий.

4. Настоящее Постановление окончательно, не подлежит обжалованию, вступает в силу немедленно после провозглашения, действует непосредственно и не требует подтверждения другими органами и должностными лицами.

5. Согласно статье 78 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации» настоящее Постановление подлежит незамедлительному опубликованию в «Российской газете» и «Собрании законодательства Российской Федерации». Постановление должно быть опубликовано также в «Вестнике Конституционного Суда Российской Федерации».

Конституционный Суд
Российской Федерации

НАЛОГООБЛОЖЕНИЕ: КОНСУЛЬТАЦИИ, ПИСЬМА, РАЗЪЯСНЕНИЯ

Вопрос: Организация перечисляет работникам заработную плату на банковские карты. Являются ли доходом работника для целей исчисления НДФЛ платежи банку за выпуск карт и за ежегодное обслуживание?

Ответ:

**МИНИСТЕРСТВО ФИНАНСОВ РОССИЙСКОЙ
ФЕДЕРАЦИИ**

ПИСЬМО

от 28 октября 2010 г. № 03-04-06/6-255

Департамент налоговой и таможенно-тарифной политики рассмотрел письмо по вопросу обложения налогом на доходы физических лиц сумм комиссии банка за выпуск и годовое обслуживание банковских карт, оплаченных организацией, и в соответствии со ст. 34.2 Налогового кодекса Российской Федерации (далее — Кодекс) разъясняет следующее.

Как указывается в рассматриваемом письме, организация заключила договор с банком на выпуск и обслуживание пластиковых карт, открытых на имя сотрудников, на которые перечисляется заработная плата. Организацией банку выплачивается комиссия за выпуск и годовое обслуживание карт.

При определении налоговой базы в соответствии с п. 1 ст. 210 Кодекса учитываются все доходы налогоплательщика, полученные им как в денежной, так и в натуральной формах, или право на распоряжение которыми у него возникло.

Статья 41 Кодекса определяет доход как экономическую выгоду в денежной или натуральной форме, учитываемую в случае возможности ее оценки и в той мере, в которой такую выгоду можно

оценить, и определяемую для физических лиц в соответствии с гл. 23 «Налог на доходы физических лиц» Кодекса.

Статьей 22 Трудового кодекса Российской Федерации установлено, что работодатель обязан выплачивать в полном размере причитающуюся работникам заработную плату.

Следовательно, работодатель должен обеспечить своевременное получение работниками заработной платы через кассу организации или любым иным образом (включая перечисление сумм заработной платы на карточные счета работников в банках) в соответствии с коллективным договором, правилами внутреннего трудового распорядка организации, трудовыми договорами.

Исходя из изложенного суммы комиссии, уплаченные организацией за выпуск пластиковых карточек, выдаваемых работникам для получения заработной платы, и годовое обслуживание карточных счетов, не могут быть признаны экономической выгодой (доходом) сотрудников и, соответственно, являться объектом обложения налогом на доходы физических лиц.

Заместитель директора
Департамента налоговой
и таможенно-тарифной политики
С. В. РАЗГУЛИН
28.10.2010 г.

ПРАВИТЕЛЬСТВО РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

ПОСТАНОВЛЕНИЕ

от 27 ноября 2010 г. № 933

О предельной величине базы

для начисления страховых взносов в государственные
внебюджетные фонды с 1 января 2011 г.

В соответствии с частью 5 статьи 8 Федерального закона «О страховых взносах в Пенсионный фонд Российской Федерации, Фонд социального страхования Российской Федерации, Федеральный фонд обязательного медицинского страхования и территориальные фонды обязательного медицинского страхования» Правительство Российской Федерации постановляет:

1. Установить, что:

предельная величина базы для начисления страховых взносов в государственные внебюджетные фонды, предусмотренная частью 4 статьи 8 Федерального закона «О страховых взносах в Пенсионный фонд Российской Федерации, Фонд социального страхования Российской Федерации, Федеральный фонд обязательного медицинского страхования и территориальные фонды обязательного медицинского страхования», подлежит индексации с 1 января 2011 г. в 1,1164 раза с учетом роста средней заработной платы в Российской Федерации;

для плательщиков страховых взносов в государственные внебюджетные фонды, предусмотренных в пункте 1 части I статьи 5 указанного Федерального закона, база для начисления страховых взносов с учетом ее индексации в соответствии с настоящим Постановлением составляет в отношении каждого физического лица сумму, не превышающую 463 000 рублей нарастающим итогом с 1 января 2011 г.

2. Настоящее Постановление вступает в силу с 1 января 2011 г.

Председатель Правительства
Российской Федерации
В. ПУТИН

В о п р о с: О представлении в налоговый орган заявления о возврате (зачете) сумм излишне уплаченного в бюджет субъекта РФ налога в отношении налогоплательщиков-организаций, имеющих обособленные подразделения в различных субъектах РФ.

О т в е т:

МИНИСТЕРСТВО ФИНАНСОВ РОССИЙСКОЙ
ФЕДЕРАЦИИ

ФЕДЕРАЛЬНАЯ НАЛОГОВАЯ СЛУЖБА

ПИСЬМО

от 19 ноября 2010 г. № ЯК-37-8/15939

Федеральная налоговая служба рассмотрела обращение о применении отдельных положений ст. 78 Налогового кодекса Российской Федерации (далее — Кодекс) при осуществлении возвратов (зачетов) сумм излишне уплаченного налога в отношении налогоплательщиков, имеющих филиальную сеть, и сообщает следующее. В соответствии со ст. 19 Кодекса налогоплательщиками признаются организации и физические лица, на которых в соответствии с Ко-

Налогообложение: консультации, письма, разъяснения

дексом возложена обязанность уплачивать налоги и (или) сборы. Филиалы и иные обособленные подразделения российских организаций исполняют обязанности этих организаций по уплате налогов и сборов по месту нахождения этих филиалов и иных обособленных подразделений. Согласно ст. 11 Кодекса организацией признается юридическое лицо, образованное в соответствии с законодательством Российской Федерации. Положениями ст. 48 и 55 Гражданского кодекса Российской Федерации определено, что юридическим лицом признается организация, которая имеет в собственности, хозяйственном ведении или оперативном управлении обособленное имущество и отвечает по своим обязательствам этим имуществом, может от своего имени приобретать и осуществлять имущественные и личные неимущественные права, нести обязанности, быть истцом и ответчиком в суде. Представительства и филиалы не являются юридическими лицами. Они наделяются имуществом создавшим их юридическим лицом и действуют на основании утвержденных им положений. Руководители представительств и филиалов назначаются юридическим лицом и действуют на основании его доверенности. Налогоплательщики-организации, согласно ст. 83 Кодекса, подлежат постановке на учет в налоговых органах по месту нахождения организации, по месту нахождения ее обособленных подразделений, по месту нахождения принадлежащего им недвижимого имущества и транспортных средств. Пунктами 2, 6 ст. 78 Кодекса определено, что зачет или возврат суммы излишне уплаченного налога производится налоговым органом по месту учета налогоплательщика. Возврат суммы излишне уплаченного налога производится только в случае отсутствия у него задолженности по соответствующему виду налогов (федеральному, региональному, местному). Учитывая изложенное, организация, имеющая обособленные подразделения в различных субъектах Российской Федерации, вправе представить заявление о зачете суммы налога, излишне уплаченной в бюджет субъекта Российской Федерации по месту нахождения обособленного подразделения, как в налоговый орган по месту постановки на учет головной организации, так и в налоговый орган по месту нахождения обособленного подразделения организации.

Заместитель руководителя ФНС России
К.В. ЯНКОВ

19.11.2010 г.

ПЕНСИОННЫЙ ФОНД РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

ПИСЬМО

от 25 октября 2010 г. № ТМ-30-25/11272

Пенсионный фонд РФ <...> сообщает следующее.

В соответствии с частью пятой статьи 15 Федерального закона от 24.07.2009 № 212-ФЗ «О страховых взносах в Пенсионный фонд Российской Федерации, Фонд социального страхования Российской Федерации, Федеральный фонд обязательного медицинского страхования и территориальные фонды обязательного медицинского страхования» (далее — Федеральный закон от 24.07.2009 № 212-ФЗ) ежемесячный обязательный платеж подлежит уплате в срок не позднее 15-го числа календарного месяца, следующего за календарным месяцем, за который начисляется ежемесячный обязательный платеж.

Пунктом 1 части пятой статьи 18 Федерального закона от 24.07.2009 № 212-ФЗ предусмотрено, что обязанность по уплате страховых взносов считается исполненной плательщиком страховых взносов со дня предъявления в банк поручения на перечисление в бюджет соответствующего государственного пенсионного фонда на соответствующий счет Федерального казначейства (с указанием соответствующего кода бюджетной классификации) денежных средств со счета плательщика страховых взносов в банке при наличии на нем достаточного денежного остатка на день платежа.

Согласно пункту 4 части шестой статьи 18 Федерального закона от 24.07.2009 № 212-ФЗ обязанность по уплате страховых взносов не признается исполненной в случае неправильного указания плательщиком страховых взносов в поручении на перечисление суммы страховых взносов номера счета Федерального казначейства, кода бюджетной классификации и (или) наименования банка получателя, повлекшего непорочное перечисление данной суммы в бюджет соответствующего государственного внебюджетного фонда на соответствующий счет Федерального казначейства.

Таким образом, неверно указанный в платежном поручении на перечисление страховых взносов на обязательное пенсионное страхование идентификационный номер плательщика не является основанием для признания обязанности по уплате страховых взно-

сов неисполненной, поэтому начисление пеней за период уточнения платежей не основано на нормах Федерального закона от 24.07.2009 № 212-ФЗ.

Заместитель
председателя правления
Пенсионного фонда РФ
Т.Н. МАНУЙЛОВА

Вопрос: Работники организации часто ездят в командировки в Германию. Для целей бизнеса работникам приходится переезжать по территории Германии из одного города в другой. В случае переезда группы работников дешевле арендовать автомобиль, чем ехать поездом (учитывая расходы на проезд от гостиницы до вокзала и от вокзала до гостиницы в другом городе). Может ли организация учитывать расходы на аренду автомобиля для проезда работников к месту командировки и обратно для целей исчисления налога на прибыль? Каков порядок обложения НДС и страховыми взносами сумм возмещения организацией расходов работников по аренде автомобиля во время их нахождения в командировке?

Ответ:

МИНИСТЕРСТВО ФИНАНСОВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

ПИСЬМО
от 29 ноября 2010 г. № 03-03-06/1/742

Департамент налоговой и таможенно-тарифной политики рассмотрел письмо по вопросу учета расходов на аренду автомобиля для перемещения работников во время командировки в целях налогообложения и сообщает следующее.

При определении налоговой базы по налогу на прибыль налогоплательщик — российская организация уменьшает полученные доходы на сумму произведенных расходов в порядке, предусмотренном гл. 25 Налогового кодекса Российской Федерации (далее — НК РФ).

При этом ст. 252 НК РФ предусмотрены критерии, в соответствии с которыми осуществленные затраты (за исключением рас-

ходов, указанных в ст. 270 НК РФ) признаются расходами для целей налогообложения и учитываются при определении налоговой базы по налогу на прибыль.

Так, расходами признаются обоснованные и документально подтвержденные затраты (а в случаях, предусмотренных ст. 265 Кодекса, убытки), осуществленные (понесенные) налогоплательщиком.

Под обоснованными расходами понимаются экономически оправданные затраты, оценка которых выражена в денежной форме.

Под документально подтвержденными расходами понимаются затраты, подтвержденные документами, оформленными в соответствии с законодательством Российской Федерации. Расходами признаются любые затраты при условии, что они произведены для осуществления деятельности, направленной на получение дохода.

Согласно пп. 12 п. 1 ст. 264 НК РФ к прочим расходам, связанным с производством и реализацией, относятся расходы на командировки, в частности на:

— проезд работника к месту командировки и обратно к месту постоянной работы;

— наем жилого помещения. По этой статье расходов подлежат возмещению также расходы работника на оплату дополнительных услуг, оказываемых в гостиницах (за исключением расходов на обслуживание в барах и ресторанах, расходов на обслуживание в номере, расходов за пользование рекреационно-оздоровительными объектами);

— суточные или полевое довольствие;

— оформление и выдачу виз, паспортов, ваучеров, приглашений и иных аналогичных документов;

— консульские, аэродромные сборы, сборы за право въезда, прохода, транзита автомобильного и иного транспорта, за пользование морскими каналами, другими подобными сооружениями и иные аналогичные платежи и сборы.

Таким образом, расходы по аренде автомобиля сотрудником или группой сотрудников, находящихся в командировке, по нашему мнению, можно учитывать в составе расходов при условии их документального оформления и обоснования.

В случае аренды автомобиля работником во время командировки документами, подтверждающими произведенные расходы,

могут являться договор аренды, акт о передаче/возврате автомобиля, счета, чеки и иные документы, подтверждающие оплату услуг по предоставлению автомобиля в аренду, документы, подтверждающие размещение автомобиля на парковку, стоянку (при наличии).

Касательно обложения налогом на доходы физических лиц сумм возмещения организацией расходов работников по аренде автомобиля во время их нахождения в служебной командировке сообщаем следующее.

Статьей 168 Трудового кодекса Российской Федерации (далее — ТК РФ) предусмотрено, что в случае направления в служебную командировку работодатель обязан возмещать работнику расходы по проезду. При этом порядок и размеры возмещения расходов, связанных со служебными командировками, определяются коллективным договором или локальным нормативным актом организации.

В соответствии с п. 3 ст. 217 НК РФ не подлежат обложению налогом на доходы физических лиц все виды установленных действующим законодательством Российской Федерации компенсационных выплат (в пределах норм, установленных в соответствии с законодательством Российской Федерации), связанных, в частности, с исполнением налогоплательщиком трудовых обязанностей (включая возмещение командировочных расходов).

При оплате работодателем налогоплательщику расходов на командировки как внутри страны, так и за ее пределы в доход, подлежащий налогообложению, не включаются, в частности, фактически произведенные и документально подтвержденные целевые расходы на проезд до места назначения и обратно, расходы на проезд в аэропорт или на вокзал в местах отправления, назначения или пересадок, на провоз багажа.

Ни ТК РФ, ни ст. 217 НК РФ не содержат ограничений в отношении видов средств транспорта, используемых работником для проезда до места назначения и обратно.

Исходя из вышеизложенного суммы оплаты организацией аренды автомобиля для проезда работников при нахождении их в командировке относятся к числу компенсационных выплат, связанных с исполнением налогоплательщиками трудовых обязанностей.

При этом в организации должны иметься соответствующие оправдательные документы, подтверждающие использование арендованного автомобиля для служебных целей.

Налогообложение: консультации, письма, разъяснения

В соответствии со ст. 28 Федерального закона от 24.07.2009 № 212-ФЗ «О страховых взносах в Пенсионный фонд Российской Федерации, Фонд социального страхования Российской Федерации, Федеральный фонд обязательного медицинского страхования Российской Федерации и территориальные фонды обязательного медицинского страхования» по вопросам уплаты страховых взносов в государственные внебюджетные фонды следует обращаться в Минздравсоцразвития России.

Заместитель директора
Департамента налоговой
и таможенно-тарифной политики
С.В. РАЗГУЛИН

29.11.2010 г

8 декабря 2010 года

№ 331-ФЗ

РОССИЙСКАЯ ФЕДЕРАЦИЯ

ФЕДЕРАЛЬНЫЙ ЗАКОН

О страховых тарифах
на обязательное социальное страхование от несчастных
случаев на производстве и профессиональных заболеваний
на 2011 год и на плановый период 2012 и 2013 годов

Принят
Государственной Думой
24 ноября 2010 г.
Одобен
Советом Федерации
1 декабря 2010 г.

Статья 1

Установить, что в 2011 году и в плановый период 2012 и 2013 годов страховые взносы на обязательное социальное страхование от несчастных случаев на производстве и профессиональных забо-

леваний уплачиваются страхователем в порядке и по тарифам, которые установлены Федеральным законом от 22 декабря 2005 года № 179-ФЗ «О страховых тарифах на обязательное социальное страхование от несчастных случаев на производстве и профессиональных заболеваний на 2006 год». Страховые тарифы на обязательное социальное страхование от несчастных случаев на производстве и профессиональных заболеваний определяются в процентах к суммам выплат и иных вознаграждений, которые начислены в пользу застрахованных по трудовым договорам и гражданско-правовым договорам и включаются в базу для начисления страховых взносов на обязательное социальное страхование от несчастных случаев на производстве и профессиональных заболеваний в соответствии с Федеральным законом от 24 июля 1998 года № 125-ФЗ «Об обязательном социальном страховании от несчастных случаев на производстве и профессиональных заболеваний».

Статья 2

Настоящий Федеральный закон вступает в силу с 1 января 2011 года.

Президент
Российской Федерации
Д. МЕДВЕДЕВ

Москва, Кремль
8 декабря 2010 г.
№ 331-ФЗ

Вопрос: Федеральное государственное унитарное предприятие (ФЕУГТ) начисляет вознаграждение по итогам работы за год. Начисление производится по результатам финансовой деятельности, которые формируются в начале года, следующего за отчетным. Также ФЕУП начисляет премии работникам по результатам работы за месяц, которые формируются в начале месяца, следующего за отчетным. В каком налоговом периоде следует включить в состав расходов по налогу на прибыль: вознаграждение по итогам работы за 2010 г., если начисление будет произведено в январе 2011 г.; вознаграждение (премию работникам) по итогам работы за месяц, если начисление будет произведено в месяце, следующем за отчетным?

Ответ:

МИНИСТЕРСТВО ФИНАНСОВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

ПИСЬМО

от 10 декабря 2010 г. № 03-03-06/4/122

Департамент налоговой и таможенно-тарифной политики рассмотрел письмо по вопросу порядка учета расходов в виде премий по итогам работы в целях налогообложения прибыли и сообщает следующее.

В соответствии со ст. 255 Налогового кодекса Российской Федерации (далее — НК РФ) в расходы налогоплательщика на оплату труда включаются любые начисления работникам в денежной и (или) натуральной формах, стимулирующие начисления и надбавки, компенсационные начисления, связанные с режимом работы или условиями труда, премии и единовременные поощрительные начисления, расходы, связанные с содержанием этих работников, предусмотренные нормами законодательства Российской Федерации, трудовыми договорами (контрактами) и (или) коллективными договорами.

Согласно п. 4 ст. 272 НК РФ в целях налогообложения прибыли расходы на оплату труда признаются в качестве расхода ежемесячно исходя из суммы начисленных в соответствии со ст. 255 НК РФ расходов на оплату труда.

Учитывая изложенное, вознаграждения по итогам работы за год, начисленные в начале года, следующего за отчетным, учитываются в целях налогообложения прибыли в периоде начисления данных премий, то есть, исходя из текста обращения, в январе 2011 г., при условии их соответствия положениям ст. 252 НК РФ.

Аналогично учитываются вознаграждения по итогам работы за месяц. Если начисление произведено в месяце, следующем за отчетным, вознаграждения, при условии их соответствия критериям ст. 252 НК РФ, учитываются в месяце начисления, то есть в следующем за месяцем, по итогам которого начислено вознаграждение.

Заместитель директора
Департамента налоговой
и таможенно-тарифной политики
С.В. РАЗГУЛИН

ФЕДЕРАЛЬНАЯ НАЛОГОВАЯ СЛУЖБА

ПИСЬМО

от 8 ноября 2010 г. № ШС-37-3/14851

О представлении сведений о доходах физических лиц

В соответствии с пунктом 2 статьи 230 Налогового кодекса Российской Федерации (далее — Кодекс) налоговые агенты представляют в налоговый орган по месту своего учета сведения о доходах физических лиц этого налогового периода и суммах начисленных и удержанных в этом налоговом периоде налогов ежегодно не позднее 1 апреля года, следующего за истекшим налоговым периодом, по форме № 2-НДФЛ «Справка о доходах физического лица за 20__ год».

Согласно пункту 28 статьи 217 Кодекса не подлежат налогообложению доходы, не превышающие 4000 рублей, полученные за налоговый период по каждому из предусмотренных в указанном пункте оснований.

Если сумма доходов, предусмотренных пунктом 28 статьи 217 Кодекса, выплаченных работнику организации, не превысит в налоговом периоде 4000 рублей, организация не должна представлять сведения о доходах физических лиц в порядке, установленном статьей 230 Кодекса.

Действительный государственный советник РФ
2-го класса
С.Н. ШУЛЬГИН

ФЕДЕРАЛЬНАЯ НАЛОГОВАЯ СЛУЖБА

ПИСЬМО

от 06.12.10 № ШС-37-3/16955

О подтверждении расходов в виде сумм дебиторской задолженности с истекшим сроком исковой давности

В соответствии с пунктом 2 статьи 266 Налогового кодекса Российской Федерации (далее — Кодекс) безнадежными долгами (долгами, нереальными ко взысканию) признаются, в частности, те долги перед налогоплательщиком, по которым истек установленный срок исковой давности.

Согласно пункту 1 статьи 252 Кодекса одним из условий признания расходов является подтверждение суммы документами, оформленными в порядке, установленном законодательством Российской Федерации.

Таким образом, для уменьшения налоговой базы по налогу на прибыль на сумму дебиторской задолженности с истекшим сроком исковой давности налогоплательщику необходимо иметь документы, подтверждающие факт возникновения задолженности, а также документы, свидетельствующие о течении срока исковой давности.

Документами, подтверждающими факт возникновения дебиторской задолженности, могут быть любые соответствующие требованиям пункта 1 статьи 9 Федерального закона от 21.11.1996 № 129-ФЗ «О бухгалтерском учете» первичные документы о совершении хозяйственной операции, в результате которой образовался долг контрагента перед налогоплательщиком (накладные на передачу ценностей, акты приемки-сдачи работ (услуг), платежные документы и др.). При этом договор сам по себе первичным документом, свидетельствующим о совершении хозяйственной операции, в подавляющем большинстве случаев не является.

Что касается акта сверки, то необходимо иметь в виду, что данный документ не является первичным учетным документом, подтверждающим совершение хозяйственной операции, поскольку финансовое состояние сторон при этом не изменяется.

Подписание акта сверки должником является совершением обязательным лицом действия, свидетельствующего о признании имеющегося долга. Из содержания статей 195, 196, 203 Гражданского кодекса Российской Федерации следует, что этим течением срока исковой давности прерывается. После подписания сторонами такого акта срок исковой давности начинает течь заново, а время, прошедшее до указанного перерыва, в новый срок не засчитывается.

Таким образом, организация по основанию истечения срока исковой давности имеет право уменьшить налоговую базу на сумму дебиторской задолженности не ранее, чем по истечении трех лет с даты последней сверки по этой задолженности.

Действительный
государственный советник РФ
2-го класса
С.Н. ШУЛЬГИН

Поздравляем!

**Приняли присягу и получили статус адвоката
21 декабря 2010 г.:**

**Бадахов Ренат Абулкеримович
Бурковская Виктория Алексеевна
Глазкова Анастасия Анатольевна
Дихтярь Дмитрий Анатольевич
Жилинский Евгений Сергеевич
Зайцева Мария Вячеславовна
Кабанова Елена Ивановна
Кадянова Ирина Александровна
Косовская Ирина Михайловна
Кравченко Евгений Иосифович
Кунов Виктор Сергеевич
Лозинская Марина Сергеевна
Максимова Марина Валерьевна
Назаров Роман Евгеньевич
Никитенко Денис Юрьевич
Родина Наталья Валерьевна
Семилетов Ееннадий Викторович
Слепнёв Андрей Вячеславович
Тарасова Алина Валерьевна
Тедеева Елена Николаевна
Филиппов Валерий Вячеславович
Черняк Павел Яковлевич
Чурикова Анастасия Евгеньевна**

Поздравляем!

P.S. В предыдущем номере вкралась досадная опечатка в данном разделе. Исправляем её:

Поздравляем!

**Приняла присягу и получила статус адвоката
20 октября 2010 г.:**

Никитченко Александра Андреевна

СОДЕРЖАНИЕ

Документы Адвокатской палаты г. Москвы	2
Обзор дисциплинарной практики	7
Судебная практика	43
Налогообложение: консультации, письма, разъяснения	59
Постановление Правительства Российской Федерации от 27 ноября 2010 г. № 933 «О предельной величине базы для начисления страховых взносов в государственные внебюджетные фонды с 1 января 2011 г.»	60
Федеральный закон № 331-ФЗ «О страховых тарифах на обязательное социальное страхование от несчастных случаев на производстве и профессиональных заболеваний на 2011 год и на плановый период 2012 и 2013 годов» от 8.12.2010 г	67
Поздравляем!	
Приняли присягу и получили статус адвоката 21 декабря 2010 г.....	72

Редакционный совет «Вестника Адвокатской палаты г. Москвы»:

Председатель — РЕЗНИК Г.М.

Члены редакционного совета:

ЖИВИНА А. В., ЗАЛМАНОВ В.Я., ПОЛЯКОВ И.А.

Ответственный за выпуск: ЗАЛМАНОВ В.Я.

«Вестник Адвокатской палаты г. Москвы». № 12 (86) за 2010 г.

Объем — 4,75 п.л. Тираж — 2750 экз. Свидетельство о регистрации № 015478.

Макет и верстка выполнены *М. Ф. Фоминой*. Корректор *О. В. Газизова*.

Срок подписания в печать — 24.01.2011 г. Заказ № 24-01/01-10.

Отпечатано в ООО «Центр полиграфических услуг «Радуга»,
115280, г. Москва, уд. Автозаводская, д. 25.

Заказчик: Адвокатская палата г. Москвы, 121205, г. Москва, ул. Новый Арбат, д. 36/9,
тел.: 8(495) 690-98-94.

